В. А. БОРИСОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

Москва
«Статистика» 1976

6171-6297

312
Б82

ХВ
7
11847

Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., «Статистика», 1976.
Б82
248 с.

В монографии дается в динамике уровень рождаемости в СССР, обобщаются результаты наиболее значительных исследований по изучению рождаемости, проведенных как у нас в стране, так и за рубежом, делается их критический анализ, рассматриваются вопросы методологии изучения рождаемости.

В книге показано, в результате каких факторов происходит снижение рождаемости в СССР и какие мероприятия следует провести, чтобы в далекой перспективе не произошло депопуляции.

Монография в основном предназначена для специалистов, занимающихся проблемами рождаемости, но будет интересна и читателям, интересующимся данной проблемой.

Б $\frac{10805\text{-}147}{008(01)\text{-}76}$ 28-76 312

© Издательство «Статистика», 1976

ВВЕДЕНИЕ

Продолжает ли снижаться уровень рождаемости в нашей стране? Если да, то до каких пределов может происходить этот процесс? Каковы социальные последствия низкой рождаемости? Нужно ли стимулировать рождаемость или в этом нет никакой необходимости? Если рождаемость все же нуждается в стимулировании, то какими конкретными мерами можно достичь желаемого результата? Вот, пожалуй, главные вопросы, ответ на которые пытается дать та часть демографии, которая изучает рождаемость.

До сих пор среди демографов, и тем более среди экономистов, занимающихся проблемами народонаселения, нет единства в оценке перспектив рождаемости в нашей стране. Многие специалисты (пожалуй, даже большинство) считают естественным низкий уровень рождаемости и поэтому не считают возможным принимать какие-либо меры к ее повышению. Другая часть демографов (к которой принадлежит и автор этой книги) высказывает беспокойство в связи со снижением рождаемости в нашей стране.

Нам же кажется, что во всякой науке беспокойство всегда более полезно и в конечном счете более продуктивно, чем радужная уверенность в том, что «все и без нас обойдется».

Это тем более относится к изучению демографических процессов, обладающих большой инерцией во времени. В демографии счет времени идет не на года, а на поколе-

ния. То, что сегодня может показаться «еще неактуальным», завтра (т. е. через 10, 20 или 50 лет) может оказаться неотвратимым. Поэтому для научного планомерного управления демографическими процессами необходимо заблаговременное исследование явлений и процессов, причем из анализа нельзя исключать никакие сколько-нибудь вероятные варианты тенденций.

По мере того как уровень рождаемости в нашей стране снижается, интерес к ее изучению непрерывно растет. В последние полтора десятка лет проведено значительное число специальных обследований в разных районах страны, давших ценную информацию о некоторых взаимосвязях рождаемости с условиями жизни населения. Накоплен большой фактический материал, который нуждается в обобщении и осмысливании. Особенно следует отметить начало качественно нового этапа в изучении факторов рождаемости через изучение репродуктивной мотивации.

Автор попытался рассмотреть современные тенденции динамики уровня рождаемости, суммировать разрозненные результаты проведенных обследований и высказать свое мнение по некоторым спорным вопросам методологии изучения рождаемости.

Кроме того, нам хотелось бы способствовать преодолению «оптимистического» отношения к рождаемости в будущем, основанного на том предрассудке, что дети всегда были, есть и будут, а как же иначе? Сторонникам такого «оптимистического» взгляда можно адресовать слова известного советского гигиениста, страстного пропагандиста социальной профилактики С. А. Томилина, сказанные им полвека тому назад: «Трудно поверить, что в научно образованных кругах могут еще находиться люди, которые допускают в условиях «искусственной» жизни, называемой культурой, какой-то таинственный биологический perpetuum mobile, какой-то извечный процесс обновления жизни. Вымирают без следа отдельные семьи, целые народности. История хранит нам уже не один пример исчезновения великих цивилизаций, любоваться следами которых мы можем только в музеях. Культура — это вовсе не забавная детская игра, и возведение каждого нового этажа в ее постройке требует все больше осмотрительности,

все больше профилактических мероприятий, чтобы удержать в равновесии человека»[1].

Вместе с тем мы не выступаем, конечно, за возврат к высокой рождаемости. Высокая рождаемость, несомненно, уходит в прошлое. Рано или поздно проблема нулевого прироста населения Земли тоже станет актуальной (поскольку территория Земли не бесконечна), и подумать о ее решении следует уже сейчас. Однако мы против одностороннего подхода к этой проблеме.

Многие западные ученые полагают, что для достижения нулевого прироста населения достаточно лишь ограничить рождаемость некоторым *верхним* пределом, достаточным только для простого возобновления поколений. Такая точка зрения исходит (осознанно или неосознанно) из мальтусовского представления о спонтанном «стремлении к размножению», якобы присущем человечеству. Например, в одном из американских демографических прогнозов рассматривается как желанная цель уменьшение естественного прироста населения США до нуля и стабилизация численности населения. В разных вариантах прогноза меняются только сроки достижения этой цели[1]. Но ни в одном из вариантов не предполагается сокращение нетто-коэффициента воспроизводства населения до величины ниже 1. Между тем действительность превзошла ожидания. В начале 1970-х гг. уровень рождаемости в США так резко пошел вниз, что уже в 1973 г. опустился ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения в будущем.

Можно представить себе такую ситуацию, при которой нулевой прирост мирового населения достигается при значительном росте численности одних народов и убыли — других. Такая ситуация, очевидно, не могла бы быть признана удовлетворительным решением проблемы. По-видимому, будущему нулевому приросту мирового населения должно предшествовать стирание тех больших различий в типах воспроизводства населе-

---

[1] *Томилин С. А.* Демография и социальная гигиена. М., 1973, с. 142.

[2] *Frejka T.* Demographic Paths to a Stationary Population: the U. S. in International Comparison. «Demographic and Social Aspects of Population Growth», v. 1, Washington, 1972, p. 636—640.

нии каждого ребенка в определенные сроки. Такая мера уже осуществляется в ряде других социалистических стран (ГДР, Чехословакия).

В настоящее время система распределения жилой площади в нашей стране не принимает во внимание вероятность увеличения семьи и этим, возможно, сдерживает рождаемость. Но, думается, не только распределение, но и проектирование структуры жилищного строительства в настоящее время фактически влияет в сторону распространения малодетности. В самом деле, если решение проблемы рождаемости состоит в том, чтобы преобладающим типом семьи стала семья с тремя-четырьмя детьми, то, следовательно, и основным типом квартиры должна быть квартира из пяти-шести комнат. Между тем по данным выборочного исследования, проведенного В. М. Петропавловским, в новом государственном жилом фонде четырехкомнатные квартиры составляют пока всего 5,6%, а из пяти и более комнат — менее 0,1% (табл. 30). Думается, такая структура жилищной застройки невольно способствует распространению малодетности и вообще уменьшению размера семьи.

Таблица 30

Структура квартир по числу комнат и структура семей по числу членов в новом государственном жилом фонде по данным выборочного обследования 37 тыс. квартир в городах РСФСР, %

	1960 г.	1972 г.
Типы квартир:		
однокомнатные	30,3	20,4
двухкомнатные	58,8	47,5
трехкомнатные	10,7	26,5
четырехкомнатные	0,2	5,6
пять и более комнат	—	0,0
Типы семей:		
одиночки и семьи из двух человек	17,0	22,8
семьи из трех человек	25,2	28,3
семьи из четырех человек	30,4	30,8
семьи из пяти человек	20,6	13,2
семьи из шести и более человек	6,8	4,9

Источник. *Петропавловский В. М.* Количественная характеристика жилищных условий населения. — В кн.: Демографические процессы и социально-экономические факторы. Труды МЭСИ. М., 1975, с. 120.

Уровень образования и рождаемость. Во всех без исключения отечественных эмпирических исследованиях факторов рождаемости была зафиксирована обратная связь уровня образования женщин с показателями рождаемости (или числом детей в семье, фактическим и планируемым).

Обратную связь числа детей в семье с уровнем образования матерей показывают и данные Всесоюзной переписи населения 1970 г.[1]. При этом можно отметить существенную разницу в числе детей между городскими и сельскими женщинами во всех союзных республиках при одинаковом образовании, а также значительные этнические различия. Разница в числах детей тем больше, чем выше само число детей. Следует также отметить, что в большинстве союзных республик среднее число детей у городских женщин с образованием выше среднего не только меньше, чем у менее образованных, но и просто мало для простого воспроизводства населения в будущем. За исключением Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении и Туркмении, во всех других республиках оно менее двух на одну мать.

Относительно низкую рождаемость у городских женщин со средним и более высоким уровнем образования отмечают и данные крупнейших советских выборочных обследований, проведенных ЦСУ СССР. Так, по данным обследования «СССР-1967» в семьях рабочих и служащих число рождений к 40 годам у женщин со средним и более высоким образованием во всех когортах было менее двух (в расчете на одну женщину).

Несколько ранее в книге, в табл. 25 на с. 133, были представлены результаты обследования «СССР-1969», показывающие, что и репродуктивные планы женщин со средним и более высоким образованием, имеющих среднедушевые размеры дохода семьи также средние и выше, довольно скромны.

Многие демографы высказывают предположение, что в будущем дифференциация рождаемости по образованию будет уменьшаться как в результате сокращения различий в уровне образования всего населения, так и в результате сближения образа жизни, привычек и стремлений семей всех социальных групп нашего общест-

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII, с. 452—453.

ва[1]. На каком среднем уровне будет происходить выравнивание уровня рождаемости? Думается, на уровне сегодняшних городских семей со средним и более высоким образованием и со средним и более высоким уровнем материальной обеспеченности. Если, конечно, в их репродуктивной ориентации не произойдет существенных изменений.

Таблица 31

Число рождений на 100 женщин (к 40 годам) с различным уровнем образования в семьях рабочих и служащих по данным обследования «СССР-1967» (весь выборочный массив)

Когорты женщин		Уровень образования				В среднем по всем видам образования
возраст к моменту обследования, лет	годы рождения	высшее	среднее	неполное среднее	начальное и ниже	
40—44	1923—1927	162	188	216	248	216
45—49	1918—1922	169	193	216	246	221
50—54	1913—1917	171	193	215	251	234

Источник. *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 134.

Примером такого исчезновения дифференциации в рождаемости (и не только по образованию, но и по каким-либо другим факторам-дифферентам) может служить демографическая ситуация в крупнейших городах. Так, например, в Москве (по данным обследования «СССР-1969») женщины с высшим образованием ожидают иметь в среднем 1,54 ребенка, а женщины с образованием ниже среднего — 1,81 (табл. 32). При этом все эти различия в ожидаемых числах детей у женщин с разным уровнем образования только за счет женщин с относительно низкими доходами.

У женщин со среднедушевым доходом семьи 75 руб. и выше фактически уже никакой дифференциации в рождаемости нет. В этих группах по доходу женщины с высшим и незаконченным высшим образованием намерены иметь детей даже больше, чем менее образованные женщины (при желании такой характер различий можно даже истолковать как «положительную зависимость» рождаемости от образования), но эта разница имеет, думается, случайное происхождение и лишь формальное

[1] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 137—138.

значение, поскольку находится под сильным влиянием доли однодетных семей. При таких низких показателях рождаемости во всех слоях населения форма связи между ними и образованием теряет значение.

Таблица 32

Среднее ожидаемое число детей по ответам женщин с разным уровнем образования и среднедушевого дохода семьи в Москве по данным обследования «СССР-1969»

Душевой доход, руб.	Образование			В среднем
	высшее и незаконченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее и ниже	
Менее 75,0	1,58	1,83	1,98	1,89
75,0—99,9	1,60	1,47	1,56	1,54
100,0 и более	1,47	1,47	1,46	1,47
В среднем	1,54	1,63	1,81	1,68

Источник. *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 118.

Итак, в будущем можно ожидать сглаживания дифференциальной рождаемости по социально-экономическим признакам, в том числе и по образованию. Но нам не безразлично, на каком уровне произойдет это выравнивание. Поэтому для демографов важно выяснить причины, определяющие существование дифференциации рождаемости по образованию.

В настоящее время повышение уровня образования считается, наряду с доходом и двойной занятостью женщин, одним из главных факторов, определенно действующих в сторону сокращения уровня рождаемости. Причем если обратная связь рождаемости с благосостоянием еще встречается с некоторым недоверием, то обратная связь рождаемости с уровнем образования, наоборот, воспринимается многими как нечто само собой разумеющееся и рассматривается зачастую как проявление «сознательного материнства». Таким образом, малодетность иногда превращается в символ высокого культурного уровня, а многодетность — в символ «стихийной рождаемости», в символ культурной отсталости.

По нашему мнению, рост образовательного и культурного уровня оказывает влияние на рождаемость не только через рост потребностей, но и через изменение структуры потребностей. Одни потребности выходят на первый

план по степени их значимости для личности и семьи, другие оттесняются или ослабевают. Очевидно, в настоящее время с повышением образования растет значимость потребностей, не связанных с родительством, во всяком случае не связанных с наличием в семье нескольких детей или даже противостоящих среднедетности. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к изучению систем ценностей и норм и попытаться выяснить, какое место в этих системах занимает размер семьи по числу детей. Пока такое изучение находится в самом начале.

Этнические факторы рождаемости. В последние годы демографы все чаще обращают внимание на этнические аспекты демографических процессов, в том числе и на этнические аспекты дифференциальной рождаемости[1].

В предыдущих двух главах книги уже рассматривались те большие различия в уровнях рождаемости, которые еще существуют между отдельными территориями нашей страны. Эти различия определяются не столько различиями в демографической структуре населения союзных республик, сколько различиями в национальном составе населения и различиями в репродуктивном поведении семей разных национальностей.

О значительных этнических различиях в уровнях рождаемости можно судить и по различиям в темпах роста численности населения основных национальностей союзных республик. Так, за период между переписями населения 1959 и 1970 гг. численность казахов, азербайджанцев и национальностей среднеазиатских республик возросла примерно в 1,5 раза, в то время как русских, украинцев и белорусов — на 9—11%, а латышей и эстонцев — только на 2%. Такие различия в темпах роста определяются в основном различиями в уровнях рождаемости.

Опросы мнений женщин показывают, что женщины, принадлежащие к национальностям, для которых характерен высокий уровень рождаемости (казашки, азербайджанки, узбечки, туркменки, таджички), имеют в среднем больше детей и считают наилучшим значительно большее число детей в семье, чем женщины национальностей, про-

[1] См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов; *Бондарская Г. А.* Роль этнического фактора в формировании территориальных различий рождаемости. — В кн.: Вопросы демографии. М., 1970, с. 160—175; *Козлов В. И.* Этническая демография. — В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 105—117, и др.

живающих в европейской части СССР. Так, по результатам опроса мнений женщин «СССР-1969», проведенного в семьях рабочих и служащих, женщины этих национальностей (I—III группы в табл. 33 и 34) считали идеальным числом в среднем 2,68 ребенка в семье и ожидали иметь 2,16, в то время как женщины азиатских национальностей (IV группа в табл. 33 и 34) считали идеальным в среднем 6,05 ребенка в семье и ожидали иметь в среднем даже несколько больше — 6,24[1]. Такая большая разница в предпочтениях женщин двух больших групп национальностей сохраняется как в группировках по доходу, так и в группировках по образованию.

Результаты обследования «СССР-1969» характеризуют репродуктивное поведение в основном городских женщин. Но в настоящее время имеются результаты целого ряда исследований, правда, не таких больших, проведенных в сельской местности среди женщин национальностей Средней Азии. Эти результаты показывают, что и в сельской местности в районах с высокой рождаемостью зна-

[1] Превышение среднего ожидаемого числа детей над средним идеальным, которое отмечается в IV группе национальностей у женщин старше 25 лет и с относительно низкими доходами, отнюдь не свидетельствует об ограниченных возможностях или «неумении» этих женщин регулировать число своих детей. Во-первых, демографам еще неясно, в какой степени мнение об идеальном числе детей в семье отражает личные потребности и желания респондентов, а в какой степени — только их представления о социальных нормах репродуктивного поведения безотносительно к личным намерениям (см.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 101). Во-вторых, такое превышение может быть результатом расхождения во мнениях между супругами (а мужчины чаще желают иметь больше детей, чем женщины). Наконец, женщины, которые сказали, что ожидают иметь детей больше, чем считают идеальным, вероятно, в основном уже родили всех своих детей, число которых они и называют в качестве ожидаемого.

Между тем их представление о социальных нормах детности (безотносительно к себе) в то время, когда они рожали своих детей, могло быть иным, чем теперь, в момент опроса. Иначе говоря, для этих женщин показатели идеального и ожидаемого числа детей, хотя они и получены одновременно, могут отражать совершенно разные периоды времени: мнение об идеальном числе детей целиком относится к настоящему, а ожидаемое число детей в какой-то степени относится к прошлому, зависит от репродуктивной истории респондента. Называя в качестве наилучшего число детей, меньшее, чем они ожидают иметь (или уже имеют), женщины, возможно, лишь выражали свое согласие с существующими, по их мнению, в настоящее время взглядами окружающих, отнюдь не считая, что сами они имеют детей больше, чем хотели бы.

чительное число женщин имеет определенное мнение по поводу целесообразности ограничения размеров семьи. Так, по результатам опроса, проведенного в сельской местности Узбекистана в 1962—1963 гг., среднее желаемое число детей по ответам женщин равнялось 6—7[1].

Таблица 33

Мнения женщин разных групп национальностей о числе детей в семье в зависимости от возраста женщин по данным исследования «СССР-1969»

Возраст женщин, лет	Группы национальностей *				
	I	II	III	I—III	IV
Среднее идеальное число детей					
До 25	2,59	2,63	2,57	2,60	5,32
25—29	2,60	2,68	2,56	2,62	5,93
30—34	2,66	2,74	2,69	2,68	6,02
35—39	2,75	2,84	2,74	2,76	6,66
В среднем	2,66	2,74	2,66	2,68	6,05
Отношение младших возрастных групп к старшим, %	94,2	92,6	93,8	94,2	79,9
Среднее ожидаемое число детей					
До 25	2,06	2,12	2,12	2,08	5,17
25—29	2,09	2,19	2,11	2,11	6,05
30—34	2,14	2,22	2,07	2,15	6,29
35—39	2,24	2,25	2,19	2,24	7,04
В среднем	2,15	2,21	2,13	2,16	6,24
Отношение младших возрастных групп к старшим, %	92,0	94,2	96,8	92,9	73,4

* I группа — русские; II — украинцы, белорусы, молдаване; III — латыши, эстонцы, литовцы; IV группа — узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены и азербайджанцы.

Источник. *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 133.

В исследовании Л. И. Алтыевой, проведенном в сельской местности Туркмении, около половины опрошенных женщин (46,8%) ответили, что не считают нужным ограничивать число детей в семье. Другие 30,4% опрошенных женщин сказали, что не думают об этом. Можно полагать, что они потому и не думают, что также не видят нужды ограничивать число своих детей. Еще 13,0% женщин считали имеющееся у них число детей наилучшим[2].

[1] См.: *Караханов М., Алиакберова Н.* Некоторые результаты монографического изучения уровня рождаемости в сельских местностях Узбекской ССР. — В кн.: Проблемы народонаселения, с. 287.

[2] См.: *Алтыева Л.* Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР. — В кн.: Население и экономика, с. 77.

Таблица 34

Мнения женщин о числе детей в семье в зависимости от уровня образования, дохода на одного члена семьи и национальной принадлежности по данным исследования «СССР-1969»

	Группы национальностей			
	I—III	IV	I—III	IV
	Среднее идеальное число детей		Среднее ожидаемое число детей	
Образование				
Начальное и ниже	2,86	6,98	2,58	7,28
Неполное среднее	2,72	6,24	2,24	6,52
Среднее общее и специальное	2,59	5,23	1,98	5,26
Высшее и незаконченное высшее	2,56	4,36	1,86	4,11
Группы по доходу на одного члена семьи:				
I	3,11	6,87	3,10	7,27
II	2,83	5,43	2,45	5,37
III	2,64	4,65	2,08	4,45
IV	2,54	3,87	1,87	3,59
V	2,53	4,00	1,82	3,45
В среднем	2,68	6,05	2,16	6,24

Источник. *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 149.

Таким образом, можно сделать вывод, что 90% женщин из числа опрошенных в этом обследовании, не имели мотивов к ограничению рождаемости, а следовательно, и не нуждались в использовании контрацептивных мер и в контрацептивной информации. Вполне естественно *поэтому,* что большинство этих женщин, возможно, и не умеют пользоваться промышленными средствами контрацепции.

В то же время с повышением уровня образования (особенно среди занятых в общественном хозяйстве) и в сельской местности Среднеазиатских республик растет число женщин, считающих необходимым ограничивать число детей[1]. Результаты обследования мнений «СССР-

[1] См.: *Алтыева Л.* Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР. — В кн.: Население и экономика, с. 79; *Алиакберова Н. М.* Особенности влияния социально-экономических факторов на рождаемость в Узбекской ССР. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе, с. 381.

1969» обнаруживают во всех группах национальностей (в том числе и национальностей с высокими социальными нормами детности) наличие четко выраженной обратной связи между доходом и образованием, с одной стороны, и идеальным и ожидаемым числом детей — с другой (см. табл. 34). Это говорит о происходящем процессе изменения репродуктивного поведения под влиянием факторов, связанных с доходом и особенно с образованием.

Об этом же говорит и уменьшение идеального и ожидаемого числа детей в младших когортах женщин по сравнению со старшими во всех 4 группах национальностей (см. табл. 33). Причем если в трех группах женщин европейских национальностей СССР среднее идеальное число детей в младшей возрастной группе меньше, чем в старшей, всего на 6%, а ожидаемое — на 7%, то в IV группе национальностей это уменьшение составляет соответственно 20 и 27%.

Национальная принадлежность не связана с высотой рождаемости непосредственно, она играет роль фактора рождаемости лишь постольку, поскольку значительное число людей в своем поведении следуют традициям и обычаям, составляющим часть национальной культуры. Как отмечает В. И. Козлов, «сама по себе национальная принадлежность не дает ответа на вопрос о том, почему у группы людей данной национальности именно такой, а не иной уровень рождаемости. Этнический аспект рождаемости возникает под воздействием целого ряда факторов, связанных с особенностями хозяйственной деятельности тех или иных народов, распространенными среди них формами социальной и семейной организации, культурой, бытом, традициями и установками, влияющими на демографическое поведение этих национальных групп» [1].

Традиции многодетности мы найдем в истории всех народов. Они возникли в далеком прошлом как реакция на высокую смертность, особенно детскую, а также в связи с потребностями примитивного аграрного хозяйства в рабочих руках. Таким образом, в самом возникновении и существовании традиций многодетности никаких этнических особенностей еще нет. Этнические различия в детности появляются в процессе индустриального развития и сокращения смертности, когда многодетность перестает

[1] *Козлов В. И.* Этническая демография. — В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения, с. 111.

быть объективно необходимой. В зависимости от действия специфических условий развития того или иного народа процесс изменения уклада семьи и обычаев детности происходит с различной скоростью, отчего и образуются этнические различия в рождаемости.

Народы Казахстана и Средней Азии в короткие исторические сроки совершили переход от феодального, родоплеменного общественного строя непосредственно к социалистическому строю, минуя стадию капитализма. При таких условиях темпы и масштабы социально-экономических преобразований значительно опередили темпы и масштабы преобразования бытовых укладов и различных традиций, в том числе и религиозных, оказывающих влияние на число детей в семье.

В настоящее время подавляющее большинство населения СССР — атеисты, но пережитки религиозной морали могут сказываться в народных обычаях и традициях. В какой-то степени различия или сходство в типах репродуктивного поведения отдельных народов связаны и с типом религии, вероучениям и моральным канонам которой следовало в прошлом верующее большинство населения [1]. Так, мы видим одинаковый тип репродуктивного поведения (и уровень рождаемости) у латышей и эстонцев, у которых преобладающей религией было лютеранство, наиболее либерально среди других церквей относящееся к праву семьи самой определять число детей.

Заметно более высокий по сравнению с латышами и эстонцами уровень рождаемости у соседних с ними литовцев, исповедовавших в прошлом католичество. На Украине самый высокий уровень рождаемости в Закарпатье, где население также в прошлом исповедовало католичество. Не случайно также, что относительно высокий и сходный уровень рождаемости отмечается у разных народов, но исповедовавших в прошлом одинаковый тип религии — ислам, поощряющий многодетность. При этом нужно учесть, что и среди имеющегося еще и сегодня в нашей стране некоторого числа верующих именно мусульмане составляют, вероятно, относительно бо́льшую

[1] О влиянии фактора религиозной системы на уровень рождаемости см.: *Козлов В. И.* О влиянии религиозного фактора на плодовитость. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 184—206; *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 148—162.

часть[1]. Поэтому и пережитки влияния ислама на народные обычаи, семейный уклад и репродуктивное поведение проявляются сильнее и заметнее именно в сельских районах Средней Азии.

Но пережитки потому так и называются, что отмирают. Поскольку те различия в рождаемости, которые мы называем этническими, отражают в определенной мере и различия в социально-экономической истории отдельных народов (и, отчасти, различия в религиозных системах), то при выравнивании уровней социально-экономического развития всех наших народов и окончательном отмирании национально-религиозных пережитков происходит постепенное выравнивание и этнических различий в рождаемости.

Традиции многодетности уходят своими корнями в прошлое, и не имеют будущего. И следовательно, сокращение высокой рождаемости коренных народов Казахстана, Азербайджана и Средней Азии предопределено объективным ходом социально-экономического развития. Неизвестно только, в какие сроки произойдет этот процесс. По-видимому, эти народы только еще вступили во вторую фазу демографического перехода от режима воспроизводства населения с низким уровнем смертности и высоким уровнем рождаемости к современному типу воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости[2].

Весьма вероятно, что, начавшись медленно, процесс демографического перехода пойдет затем с ускорением именно потому, что он происходит в условиях культурного и экономического содружества советских наций. Примером такого ускорения может служить динамика уровня рождаемости в Армении, где только за 11 лет между переписями 1959 и 1970 гг. общий коэффициент рождаемости сельского населения сократился с 47,8‰ в 1958—1959 гг. до 24,5‰ в 1969—1970гг., а степень реализации ГМЕР сократилась с 95,8 до 61,3% (см. табл. 21).

[1] См.: *Пучков П. И.* Современная география религий. М., 1975, с. 166.

[2] О понятии демографической революции и фазах демографического перехода см.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. — «Вопросы философии», 1973, № 2, с. 53—64; *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974, с. 8—24; *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976.

Т. е. брачная рождаемость опустилась с очень высокого уровня резко до среднего.

Начавшаяся тенденция к сокращению числа детей в семье становится заметной и в сельских районах Азербайджана[1].

На каком уровне будет происходить унификация типов репродуктивного поведения населения различных национальностей? Очевидно, на уровне, уже типичном для большинства населения европейских национальностей нашей страны, среди которых этнические различия уже мало заметны. Но этот уровень рождаемости может оказаться слишком низким, судя по данным крупнейших общесоюзных обследований мнений женщин, проведенных ЦСУ СССР в семьях рабочих и служащих в 1969 и 1972 гг.

Мы уже видели из данных табл. 33, что среднее ожидаемое число детей у женщин I—III групп национальностей составляет 2,16, а в младшей возрастной группе — даже 2,08. Такое среднее число детей в семье недостаточно для замещения поколения. По данным обследования 1972 г. среднее ожидаемое число детей в когортах женщин, вступивших в брак в 1970—1972 гг., составляет в I—III этнодемографических группах уже менее 2 детей (1,70—1,84), а в IV группе — 4,58 и по сравнению со средним числом детей, которое ожидают иметь когорты женщин, вступивших в брак в 1960—1964 гг., ниже соответственно в I—III группах на 18,3—13,6%, а в IV группе — на 28,5%.

Хотя эта динамика детности характеризует сдвиги в репродуктивных установках семей рабочих и служащих, думается, что она в какой-то мере определяет и перспективы рождаемости всего населения, поскольку семьи рабочих и служащих составляют большинство населения нашей страны — 82,9% в 1975 г.

[1] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 85 и 179.

щам и явлениям, переживаемым как необходимое условие существования личности»[1].

Такому пониманию потребности отвечает определение потребности в детях (кстати, пока единственное), предложенное А. И. Антоновым, согласно которому «потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подобающего числа их индивид испытывает затруднения как личность»[2]. В этом определении речь идет только об индивидуальной потребности, а не о потребности семьи в детях. Однако, думается, потребность семьи в детях является некоторой средней из индивидуальных потребностей членов семьи.

Можно согласиться с мнением В. А. Беловой, что потребность в детях аккумулирует в себе много потребностей[3], к примеру: стремление иметь близкого помощника в жизни и опору в старости, продолжателя своей личности и фамилии, иметь источник нежности и привязанности, забавы, а иногда и «козла отпущения», и много других разнообразных потребностей. Однако, думается, это обстоятельство не дает оснований считать понятие «потребность в детях» условным. Мы полагаем, что в этом потребность в детях не отличается от других потребностей, ибо любая потребность, как правило, поливалентна, т. е. способна удовлетворяться не одной, строго определенной ценностью — объектом потребности[4], а несколькими, способными как-то заменить друг друга. И наоборот, любая конкретная ценность удовлетворяет обычно не одну, а несколько потребностей одновременно. Например, телевизор удовлетворяет не только потребность в информации, но и потребность в информации определенного рода, а также и эстетическую потребность в украшении интерьера квартиры и т. п.

Некоторые авторы считают, что нет оснований для

[1] *Социальная психология.* Под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М., 1975, с. 77.

[2] *Антонов А. И.* Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи. — В кн.: Вопросы теории и методов социологических исследований, с. 115.

[3] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 10.

[4] «Ценность — это понятие, выражающее положительную или отрицательную значимость предмета или явления. Ценность, ценностные свойства не являются какими-то особыми объективными свойствами предметов и явлений» (Социальная психология, с. 95).

выделения самостоятельной потребности в детях, что дети являются только средством удовлетворения основных потребностей человека, набор которых минимален. Конечно, у человека не столько потребностей, сколько объектов реального мира, но только потому, что не все объекты представляют для него ценность. Некоторые объекты не представляют для него интереса, не возбуждают потребности. Другие объекты рассматриваемые как ценность, могут не возбуждать потребность, если эти ценности представляются индивиду совершенно недостижимыми, или в подобном случае потребность подавляется, вытесняется из сознания с помощью рационализации, сублимации и других способов[1].

Но, в принципе, думается, потребностей у человека по крайней мере столько, сколько есть объектов реального мира, представляющих для него достижимую ценность. И следовательно, представление о существовании частных конкретных потребностей, например, «в цветном телевизоре именно определенной, данной марки» не представляется нам таким абсурдом, как считает Л. Е. Дарский[2]. По нашему мнению, невозможно отделить в реальной жизни средство удовлетворения потребности (объект потребности, ценность) от определенной конкретной потребности, так же как и представить себе потребность без соответствующей ценности, так сказать потребность «вообще». «Первая и главная черта всякой потребности заключается в том, что потребность всегда имеет свой предмет; она всегда есть потребность в чем-то»[3].

Следовательно, если дети нужны, т. е. представляют собой ценность, с чем, кажется, никто не спорит, то, значит, есть и соответствующая этой ценности потребность, потребность в детях. Выделение этой как бы отдельной потребности представляет собой абстракцию и нисколько не противоречит тому факту, что дети удовлетворяют ряд потребностей.

Другое дело, что система потребностей человека представляет собой иерархическую структуру, в которой мож-

[1] См.: *Кон И. С.* Социология личности, с. 59—62.

[2] См.: *Дарский Л. Е.* Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей. Матер. Всесоюз. симпозиума по демограф. проблемам семьи. Т. 3. Ереван, 1975, с. 3.

[3] Психология. Под ред. А. А. Смирнова и др. М., 1962, с. 363.

но выделить основные уровни потребностей, или группы основных потребностей по их важности для обеспечения жизнедеятельности. Например, выделяются такие основные потребности (группы или уровни потребностей), как физиологические потребности, потребность в самосохранении, в информации, в принадлежности к группе, в самоутверждении, любви и уважении и т. п.

Существует множество классификаций, авторы которых предлагают широкие или узкие наборы основных потребностей в зависимости от своих субъективных предпочтений. На этом авторы классификаций обычно останавливаются. Однако, думается, каждый из основных уровней (групп) потребностей складывается из множеств подгрупп потребностей и из множеств частных конкретных потребностей.

Система человеческих потребностей — не только иерархическая многоуровневая система, но и система пересекающихся уровней (групп) потребностей, т. е. конкретные объекты частных потребностей чаще всего удовлетворяют одновременно потребности нескольких уровней. Например, чтение газеты удовлетворяет не только потребность в информации, но и другие уровневые потребности: в общении, в принадлежности к группе, в самоутверждении и т. п.

Число потребностей всегда превышает возможности их одновременного удовлетворения, поэтому человек всегда стоит перед выбором в очередности удовлетворения своих потребностей. Поскольку потребность есть стимул поведения, объяснить поведение — значит объяснить прежде всего выбор человека. Он во многом зависит от принимаемых (интернализованных) индивидом социальных норм, поэтому для объяснения поведения человека необходимо знание системы социальных норм и ее противоречивой иерархической структуры (нормы также находятся в диалектическом противоречии друг с другом).

Как система потребностей, так и система социальных норм, управляющих потребностями, находятся в непрерывном изменении, развитии, вслед за развитием производства и общественных отношений. Изменяется не только круг объектов, удовлетворяющих ту или иную конкретную потребность или круг потребностей, но и сами потребности, особенно частные потребности. Одни потребности становятся более настоятельными, другие — менее настоятельными (или вовсе отмирают), одни потребности, развиваясь, оттесняют другие на шкале ценностей, появляются новые потребности и т. п. Так же как и все потребности, способна изменяться и потребность в детях [1], именно потому, что она имеет внебиологический характер, «естественности» в ней столько же, сколько и во всякой другой потребности [2]. И чтобы объяснить изменения этой важной для общества потребности, нужно обращаться за ответом не к биологии, а к политэкономии и социальной психологии.

Содержание потребности в детях определяется основными функциями семьи как малой социальной группы, необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [3]. Эти функции условно можно подразделить на демографические (организация брачных отношений, рождение детей) [4], экономические (производственно-хозяйственные, организация быта), социальные (обеспечение надлежащего социального статуса членов семьи, социализация детей [5], психологические (организация досуга, интимного общения, душевного комфорта и др.).

Эти функции определяют и структуру потребностей семьи, в том числе и структуру потребности в детях, которую А. И. Антонов представляет в виде трех уровней репродуктивных мотивов: экономические, социальные и психологические. Каждый из этих основных уровней

[1] Более общим выражением потребности в детях является понятие «потребность в материнстве (отцовстве)», иначе — «потребность в родительстве». Думается, эти понятия не могут рассматриваться как различные, в них различаются лишь акценты.

[2] Этим отнюдь не умаляется значение биологической стороны человеческой жизнедеятельности. В человеке нет ничего «чисто» социального, или «чисто» биологического. Здесь социальный характер потребности в детях подчеркивается в противовес многовековой привычке биологизировать и тем самым упрощать «отношения по детопроизводству».

[3] См.: *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1964, с. 57.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали отношения по детопроизводству как первооснову семьи и семью как первое социальное отношение (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 27).

[5] «Социализация — это развитие в ребенке социального начала, личности, ориентирующейся в своем поведении на социальные ценности и отождествляющую себя с той или иной социальной группой, классом и человечеством» (*Харчев А. Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968, с. 16).

представлен множеством пересекающихся конкретных частных мотивов, изменяющихся в зависимости от конкретных условий. Мотив рождения характеризует смысл наличия ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения личных целей родителей (независимо от того, насколько адекватно осознаются эти цели родителями) [1].

Экономические мотивы деторождения заключаются в том, что дети рассматриваются как участники семейного хозяйства, как дополнительная рабочая сила, защитники и наследники хозяйства, кормильцы и опора родителей в старости. Эти мотивы в экономически развитых странах уже почти целиком отошли к прошлому.

Психологические мотивы рождения удовлетворяют личностные потребности родителей в заботе о других, в передаче своего жизненного опыта и продолжении таким образом своей личности в других, в общении с близкими, в уважении к себе со стороны младших.

Социальные мотивы определяются тем значением, которое придается наличию детей и определенному числу их в той референтной группе, к которой причисляет себя семья (или тот из родителей, от которого в большей степени зависит принятие репродуктивных решений). Иначе говоря, социальные мотивы деторождения отражают потребность родителей в своем репродуктивном поведении соответствовать принятым в их референтной группе социальным нормам детности.

То или иное число детей в семье, таким образом, не только удовлетворяет различные «утилитарные» потребности родителей, но и служит символом принадлежности к референтной социальной группе, т. е. свидетельствует о том, что семья разделяет групповые ценности, принимает групповые социальные нормы, в том числе и нормы детности. Это обстоятельство важно учитывать в исследованиях факторов рождаемости, проводимых с помощью опросов мнений, потому что личное желание респондента и его представление о том, сколько детей «следует» иметь, «принято» иметь, могут значительно расходиться, и тогда создается впечатление, будто респондент имеет фактически больше (или меньше) детей, чем хотел бы.

---

[1] См.: *Антонов А. И.* Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей. Т. 3, с. 90.

Причины сокращения потребности семьи в детях до уровня малодетности. Эти причины, на наш взгляд, следует искать во взаимоотношениях семьи с производством, в исторических изменениях функций семьи и в диалектике семейных и общественных репродуктивных интересов.

В прошлом экономические мотивы деторождения были главными в большой крестьянской семье, где дети принимали участие в хозяйственных работах с раннего детства. Многодетность не мешала, а способствовала благосостоянию семьи. Большая неразделенная семья была способна обработать большую площадь земли, кооперировать трудовые и денежные затраты и тем обеспечить более высокую производительность труда. Этому способствовало, в частности, общинное землевладение, при котором происходили периодические переделы земли в пользу многодетных семей [1].

Развитие индивидуального промышленного труда вне семьи, с индивидуальной заработной платой, независимой от числа детей и вообще от наличия семьи (первоначально этот процесс происходит в городах), ведет к отмиранию производственной функции семьи. Семья перестает быть производственной ячейкой, а ее работающие члены получают экономическую независимость от семьи. В результате дети утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи [2].

Развитие систем социального страхования и обеспечения, а также медицинских гериатрических служб уменьшает зависимость больных и престарелых людей от числа детей и вообще от наличия их. Как страховка в старости дети становятся ненужными [3].

---

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 20.

[2] Конечно, какие-то элементы производственно-хозяйственных функций семьи еще сохраняются: покупка продовольственных и промышленных товаров, обработка их в домашнем хозяйстве — это продолжение процесса производства средств существования, которое отнимает у семьи еще очень много сил и времени. И дети при правильном воспитании принимают участие в домашнем хозяйстве. Однако это участие, как правило, невелико и имеет в основном только воспитательное значение.

[3] См.: *Волков А. Г.* Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР. — В кн.: Проблемы современной урбанизации. М., 1972, с. 113; *Дарский Л. Е.* Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей. Т. 3, с. 7.

Устранение частной собственности на средства производства, изменение института наследства, являясь величайшим социальным завоеванием, суживают функцию детей как наследников накопленных материальных ценностей и тем самым устраняют экономическую зависимость детей от родителей. Утрачивается роль детей как продолжателей фамилии. Ответственность родителей перед обществом за содержание, уход и воспитание детей сохраняется, в то время как круг обязательств детей перед родителями сужается.

В то же время, с развитием общественных форм ухода за детьми, обучения и воспитания, суживаются функции семьи и в области социализации детей[1]. В результате суживается и возможность для родителей удовлетворять свои психологические потребности продолжения своей личности и своего опыта в детях, что ведет и к уменьшению соответствующих психологических мотивов деторождения.

Таким образом, развитие общества идет по пути все большей автономизации личности и сужения функций семьи[2]. В прошлом все связи человека с обществом осуществлялись через семью, теперь посредническая роль семьи между индивидом и обществом становится все меньше. Все источники жизнеобеспечения: заработная плата, пенсионное обеспечение, профессия, страхование по болезни, сфера обслуживания — ориентированы в основном на отдельного человека, а не на семью.

В результате сокращения рождаемости постепенно обнаруживается различие в характере репродуктивных потребностей семьи и общества. Общество непосредственно испытывает социально-экономическую потребность в людях: в рабочей силе, в исполнителях социальных

[1] Как отмечает проф. И. С. Кон, «уже появление всеобщего школьного образования до известной степени эмансипирует детей от семьи, ослабляет ее влияние. Чем раньше начинается общественное обучение и воспитание, тем меньше соответственно удельный вес семьи. Общность черт, формируемая в процессе коллективного общения и под влиянием средств массовой коммуникации (печать, радио, телевидение, кино и т. д.), все больше перевешивает влияние особенных условий, свойственных той или иной семье. Нравится нам это или нет, этот процесс закономерен и неотвратим» (*Кон И. С.* Социология личности, с. 129).

[2] См.: *Дарский Л. Е.* Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей. Т. 3, с. 9.

ролей, в воспроизводстве населения (поскольку это первое условие существования каждого общества).

Напротив, современная семья непосредственно испытывает потребность в детях, которая становится только социально-психологической, моральной потребностью, но не испытывает потребности в трудовых ресурсах или в воспроизводстве населения (именно в результате отмирания экономических функций семьи).

В этом несовпадении репродуктивных потребностей содержится объективная возможность конфликта между семейными и общественными репродуктивными интересами. Общество не может отказаться от трехдетной семьи, в то время как для самой семьи наличие нескольких детей постепенно утрачивает смысл, поскольку для удовлетворения психологических мотивов, ставших основными, по-видимому, достаточно двух детей или даже одного ребенка.

Социальные нормы многодетности (неограниченной многодетности) сложились во времена высокой смертности, ручного сельского хозяйства, разобщенных государств и многочисленных пехотных армий. Многодетность способствовала выживанию как государств, так и семей, поэтому само существование социальных норм многодетности, созданных и закрепленных в обычаях, традициях, религиозных предписаниях и правовых нормах, не всегда замечалось. Многодетность казалась «стихийной», поскольку отвечала социально-экономическим интересам и государства, и семьи. Вслед за изменением характера производства и функций семьи изменяются и социальные нормы детности, но с некоторым лагом во времени.

Сначала к новым социальным нормам детности (малодетности) переходят наиболее образованные и, главное, ранее других социальных групп утратившие связь с сельскохозяйственным укладом жизни слои интеллигенции. В результате появляется заметная дифференциация в рождаемости. Затем нормы малодетности распространяются среди рабочих, большая часть которых — выходцы из крестьян и многие еще сохраняют родственные связи с деревней и пережитки сельской психологии. Наконец, по мере индустриализации сельского хозяйства и урбанизации села нормы малодетности закономерно

распространяются и среди сельских жителей. Рождаемость снова нивелируется, но уже на низком уровне.

По нашему мнению, процесс сокращения рождаемости — не кратковременный процесс под влиянием преходящих факторов, он представляет собой историческую тенденцию перехода от «естественной» многодетности (неограничиваемой многодетности) к «естественной» однодетности (где-то в пределе). Среднедетная семья представляется нам только промежуточным типом детности на пути от одной крайности к другой, стабильность которого, однако, может быть создана и поддерживаться искусственно, с помощью мероприятий демографической политики.

В целом результаты репродуктивного поведения — то или иное число детей в семье — в различные моменты времени зависят от разрешения конфликта в ситуации выбора между удовлетворением потребности в детях, удовлетворением других потребностей и факторами среды, способствующими или препятствующими тому или иному выбору. При исследовании факторов рождаемости различаются по меньшей мере два рода ситуаций.

Ситуация первого рода: семья имеет потребность в нескольких детях, но считает себя *вынужденной ограничить* эту потребность меньшим числом детей, чем хотелось бы, или откладывает рождение желаемого ребенка «до лучших времен». Своевременная материальная помощь такой семье могла бы повысить число детей в ней до желаемого.

Ситуация второго рода: семья считает свое формирование завершенным, полностью *удовлетворена* имеющимся числом детей (это число может быть равно и нулю). Тогда любые экономические мероприятия демографической политики, какими бы ощутимыми они ни были, по нашему мнению, не окажут влияния на рождаемость, если не затронут самой потребности в детях.

Очевидно, ситуация второго рода требует для своего изменения значительно больше усилий и средств. Однако на сегодняшний день неизвестно, сколько семей находится в той или иной ситуации, т. е. сколько семей стоит перед выбором — ребенок или другие ценности и сколько семей не имеет потребности в третьем ребенке. Некоторую информацию об этом дают демографические опросы мнений, но они нуждаются в дальнейшем углублении. Для целей демографической политики недостаточны данные о мнениях, полученные на основе фиксации ответов на лобовые вопросы, необходимы более тонкие измерения репродуктивных установок и мотивов.

Репродуктивные мнения, мотивы, установки. Человеку непрерывно приходится совершать множество действий и выбирать из множества возможных вариантов действий наилучшие. Выбор наилучшего варианта облегчается тем, что человек обладает как бы запасом готовых решений, некоторым набором шаблонов поведения, называемых в общей и социальной психологии *установками*.

Установка — это осознаваемая и неосознаваемая настроенность индивида действовать вполне определенным образом в каждой конкретно оцениваемой им ситуации. Согласно представлениям грузинской школы психологов, «установка (закодированная модель конечного результата реакции, предвосхищающая эту реакцию во времени) является совершенно неотъемлемым компонентом структуры целенаправленной деятельности, без которого регулирование деятельности оказывается принципиально невозможным» [1]. Если мы рассматриваем поведение как систему действий и отношений, то установки являются направляющим и регулирующим компонентом этой системы. И следовательно, изучение поведения не может не быть исследованием установок. Ведь чтобы прогнозировать поведение, и тем более управлять поведением, необходимо выявить и измерить установки.

Поведение человека многоаспектно, и поэтому правильнее говорить, как справедливо отмечают В. А. Белова и Л. Е. Дарский, не о какой-то одной единой и цельной установке, а о системах и комплексах установок, среди которых можно выделить и систему репродуктивных установок, связанных с поступками и оценками в вопросах деторождения, создания семьи с тем или иным числом детей, с регулированием сроков их появления, с методами такого регулирования и т. п. [2].

Наиболее полное определение репродуктивной уста-

[1] *Прангишвили А. С.* Проблема установки на современном уровне ее разработки грузинской психологической школой. — В кн.: Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, 1973, с. 18.

[2] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 8—9.

новки дано А. И. Антоновым, согласно которому «репродуктивная установка представляет собой психическое состояние личности, обусловливающее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению детей»[1]. В этом определении привлекает подчеркивание главной, активной черты установки — *отношения* личности к объекту реагирования, т. е. если перевести это определение на эмпирический уровень, выявление и измерение репродуктивных установок должно происходить через выявление положительных и отрицательных отношений респондентов к различным вопросам, связанным с деторождением.

Установки формируются потребностями личности, как внутренними регуляторами поведения, и социальными нормами — как внешними регуляторами поведения. Таким образом, исследование репродуктивного поведения ставит перед демографами задачу одновременного изучения систем потребностей, установок и социальных норм в их взаимосвязи.

Установки реализуются в действиях и поступках, но проявляются в мотивах и мнениях. Мотивы — это объяснительные модели поведения. В отличие от установки, которая может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой, мотив ближе к поверхности сознания; он всегда так или иначе осознаваем[2]. Важно подчеркнуть, что мотив как логическое объяснение поведения возникает только в ситуации выбора между различными способами поведения. И следовательно, мотив никогда не существует

[1] *Антонов А. И.* Проблемы методологии и методики исследования социально-психологических аспектов репродуктивного поведения семьи, с. 15. Впервые определение репродуктивной установки было дано А. И. Антоновым в 1972 г., но в менее удачной, как нам кажется, редакции (см.: *Антонов А. И.* Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи. — В кн.: Динамика изменения положения женщины и семья, с. 19—20). Поэтому здесь приводится более поздняя формулировка.

[2] По определению И. С. Кона, «мотив обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение» (*Кон И. С.* Социология личности, с. 27). Т. Шибутани рассматривает мотивы как осознанные намерения, как сознательно поставленные цели, которые обусловливают направление, единство и организацию последовательного ряда движений (см.: *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969, с. 70).

в одиночестве, речь всегда может идти только о некотором множестве мотивов, находящихся в конфликте между собой.

То, что мотивы всегда так или иначе осознаваемы для индивида, не означает, что они всегда осознаются адекватно действительным целям поведения. Поэтому выявление подлинных мотивов и измерение силы и устойчивости мотивации представляют чрезвычайно сложную задачу, решаемую только с помощью правильного использования методов и процедур социально-психологического исследования.

Мы не собираемся здесь подробно рассматривать вопросы использования социально-психологической техники в демографическом исследовании репродуктивного поведения. Эта задача выходит за рамки темы книги. На этот счет теперь уже существует обширная литература, которая должна служить учебным подспорьем для демографов, изучающих демографическое поведение[1]. Вопросы определений и техники измерений установок и мотивов лишь кратко затрагиваются в этой книге, только для того, чтобы высказать ряд критических замечаний по поводу некоторых спорных моментов в трактовке результатов эмпирических исследований факторов рождаемости, проводимых с помощью опросов мнений женщин.

Переход от изучения фиксированных объективных условий, вынуждающих (по мнению исследователей) семьи ограничивать число своих детей, к изучению мнений о предпочтительном числе детей в семье явился значительным прогрессом в развитии методологии демографического изучения рождаемости. Однако этот новый подход к изучению факторов рождаемости еще недостаточно используется. Вот уже 10 лет демографы изучают только мнения женщин с помощью небольшого числа лобовых вопросов, и до сих пор еще не проведено ни одного иссле-

[1] См., например: *Кон И. С.* Социология личности; *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Ядов В. А.* Социологическое исследование (методология, программа, методы). М., 1972; *Воронов Ю. П.* Методы сбора информации в социологическом исследовании. М., 1974; *Волович В. И.* Надежность информации в социологическом исследовании. Киев, 1974, и др.

В демографической литературе понятия репродуктивных установок и мотивов и методов их изучения наиболее глубоко рассматриваются в работах А. И. Антонова, В. А. Беловой и Л. Е. Дарского.

дования, в котором делалась бы попытка с достаточной глубиной вскрыть подлинные мотивы репродуктивного поведения, тем более измерить силу мотивации и ее структуру.

Хотя опросы мнений в изучении рождаемости получают все большее распространение на практике, в теории до сих пор нет даже четкого представления о том, какое высказывание респондента является мнением, а какое — нет. Некоторые демографы трактуют понятие мнения очень широко, считают мнением любое высказывание респондента на любой вопрос при опросе и отсюда любой опрос — опросом мнений. Так, например, Л. Е. Дарский квалифицирует как мнения любые сведения с неопределенной степенью достоверности, полученные путем опроса. Он считает, что вся система переписей населения представляет собой опрос мнений, потому что при переписи у человека спрашивают такие фактические данные, о которых у него не всегда имеется правильное понятие или точное знание, в то время как достоверность ответов в переписи не проверяется документально[1]. На этом основании он делает вывод, что «в демографии мнения изучались издавна»[2].

Действительно, при таком понимании мнения к разряду опросов мнений следовало бы отнести и демографические обследования, проведенные анамнестическим методом, восполнявшим недостаток статистических сведений, и бюджетные обследования — практически любые опросы. Однако такое понимание мнения не соответствует его пониманию в социологии и социальной психологии, в которых мнение понимается как *оценочное суждение* по вопросам, относительно которых нет или не может быть точных знаний и по отношению к которым взгляды опрашиваемых могут различаться[1].

То, что Л. Е. Дарский считает главной чертой мнения — неопределенность степени достоверности информации, — есть только одна и отнюдь не самая главная черта мнения. Главная черта мнения — выражение *отношения* человека к предмету своего суждения. Если вопрос не предполагает в ответе выражение отношения к предмету суждения, то ответ на такой вопрос не может считаться собственно мнением в социально-психологическом значении.

Точно так же не являются мнениями ответы респондентов на вопрос о возрасте в переписи населения и другие подобные ответы, доставляющие сведения фактического характера.

Такие фактографические, констатирующие суждения, в которых не выражается отношение говорящего к предме-

---

[1] См.: *Дарский Л. Е.* Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии, с. 169. Здесь же он пишет: «Представление, что при переписи спрашивают человека о его возрасте как о факте, лишь иллюзия; на самом деле мы узнаем его мнение о своем возрасте и при этом не можем внести никаких исправлений в переписной лист в том случае, если ответ явно неточен» (там же, с. 170).

С таким суждением нельзя согласиться, во-первых, потому, что сведения о фактах не являются мнениями независимо от способа получения этих сведений. Определяющая черта мнения заключается в том, что оно отражает *отношение* говорящего к предмету высказывания (этот вопрос подробнее обсуждается далее в тексте). Трудно также согласиться с этим суждением и потому, что в нем выражается некоторый агностицизм по отношению к данным переписи и вообще к данным опросов. Хотя ответы на вопрос о возрасте, как и на все другие вопросы переписи, в отдельных случаях могут быть недостоверны или неточны, в большинстве случаев они достаточно точны и правильны. Иначе данными переписи населения просто нельзя было бы пользоваться. Точно так же отнюдь не иллюзорны данные любых опросов: их точность и достоверность зависят от техники проведения опроса.

[2] *Дарский Л. Е.* Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии, с. 169.

[1] Подробнее см.: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 132—162; *Ерунов Б. А.* Мнение в системе человеческого познания, Л., 1973, с. 101.

Среди демографов, пожалуй, только одна В. А. Белова в своей книге дает определение понятия мнение. Она пишет: «Термин "мнение" предполагает, с одной стороны, наличие определенного знания по какому-либо вопросу социальной действительности, но знания, имеющего бо́льшую или меньшую долю неопределенности, а с другой стороны, оценочную функцию, ибо мнение включает субъективное оценочное отношение личности к высказываемому» (*Белова В. А.* Число детей в семье, с. 13). Однако вопреки собственному определению В. А. Белова далее относит к разряду мнений и фактическую информацию, полученную путем опроса. В частности, так же как и Л. Е. Дарский, она рассматривает как мнения ответы на вопросы о причинах переезда, задававшиеся во Всесоюзной переписи населения 1970 г. (см.: там же, с. 18). Между тем ответ на вопрос о причине переезда носит только констатирующий (фактографический) характер и не выражает отношения респондента (хотя, конечно, формируется под влиянием такого отношения). Другое дело, что достоверность мотивов переезда по данным переписи весьма неопределенна, но это качество ответов отнюдь не дает оснований считать их мнениями.

ту суждения, Б. А. Грушин называет экзистенциальными, или суждениями существования, в отличие от собственно мнения [1]. Другой советский социолог В. А. Ядов называет сведения о фактах, полученные путем опроса, *событийной информацией* и считает очень важным четко отделять событийную информацию от оценок и интерпретации [2]. Так, например, к событийной информации относится вся та часть анкеты, в которой респондент сообщает фактические сведения о себе, так называемая «паспортичка». В строгом смысле не являются мнениями и ответы респондентов на вопросы о мотивах («причинах») ограничения рождаемости, поскольку и они носят констатирующий, а не оценочный (в смысле положительного или отрицательного отношения) характер.

Но тогда мы приходим к выводу, что собственно мнения в демографических исследованиях еще вовсе не изучались. И те опросы, которые проводились до сих пор, еще вовсе не опросы мнений. В самом деле, среди эмпирических исследований факторов рождаемости, проведенных в нашей стране с помощью метода опроса, нет ни одного, в программе которого были бы хоть какие-либо вопросы, имеющие целью определить *отношение* опрашиваемых к различным аспектам репродуктивного поведения, своего или окружающих.

Обычно та часть программы опроса, которая считается относящейся к изучению мнений, состоит буквально из двух-трех, редко четырех, вопросов, относящихся к представлениям женщин о наилучшем, желаемом или ожидаемом числе детей в семье (причем за редчайшим исключением все три представления никогда не встречаются вместе в одной программе) и о намерениях женщин относительно их дальнейшего деторождения, да вопроса (иногда одного) о мотивах ограничения деторождения с весьма ограниченным набором возможных ответов в подсказе. Вопросы обычно только прямые и задаются без соблюдения социологической техники и процедуры опроса. Например, в подсказе к вопросу о мотивах отказа от дальнейшего деторождения часто перечисляются наиболее «оправдывающие» мотивы, вызывающие общественное сочувствие (материальные трудности, плохое состояние здоровья, неудовлетворительные жилищные условия, учеба и т. п.) [1].

Между тем методика социологического исследования требует, чтобы подсказ ответов в закрытом вопросе содержал наивозможно полный набор мотивов, как одобряемых общественным мнением, так и менее одобряемых, причем одобряемые и неодобряемые мотивы должны чередоваться в перечне таким образом, чтобы обеспечить равновозможность выбора [2]. Мотивы не должны располагаться в перечне по степени убывания их вероятной значимости. Иначе исследователь совершает ошибку, которая в социологии называется *обнаружением установки исследователя* [3], т. е. он невольно влияет на выбор респондентом «лучших» мотивов, но не всегда подлинных.

На распределение ответов влияет и полнота закрытия вопроса, т. е. полнота набора возможных ответов. Если среди предлагаемых в подсказе мотивов не оказывается того, которым респондент действительно руководствовался, то весьма вероятно, что он выберет другой, возможно, даже не похожий на подлинный. При этом, как отмечает А. И. Антонов, «этот недостаток не устраняется, даже если в конце перечня мотивов появляется «спасительная» приписка, призывающая указать непредусмотренные ответы» [4]. И тогда на первый план в структуре «причин ограничения деторождения» выступают мотивы материально-утилитарного характера, такие, как материальные трудности, недостаток жилищных условий, детских дошкольных учреждений, и т. п. Однако при более близком рассмотрении оказывается, что на недостаток жилищных условий как на причину ограничения детoрож-

[1] См.: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений, с. 217.

[2] См.: *Ядов В. А.* Социологическое исследование (методология, программа, методы), с. 139, 141.

[1] См., например: *Петраков А. А.* Фактическое и желаемое число детей. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 298; *Киселева Г. П.* Из опыта конкретного социально-демографического обследования. — Там же, с. 314; *Каткова И. П.* Рождаемость в молодых семьях, с. 92; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 35; *Киселева Г. П., Рылкова И. Н.* О мотивах ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения. М., 1974, с. 58, и др.

[2] Более того, именно наименее вероятные варианты ответов рекомендуется помещать в начале перечня (см.: *Воронов Ю. П.* Методы сбора информации в социологическом исследовании, с. 32).

[3] См.: *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований, с. 132—133.

[4] *Антонов А. И.* Проблемы измерения репродуктивной мотивации. — В кн.: Развитие населения, с. 39.

дения зачастую ссылаются люди, проживающие в относительно лучших жилищных условиях, а на нехватку детских дошкольных учреждений — люди, проживающие в районах, где такой нехватки фактически нет[1].

В некоторых исследованиях вопрос о мотивах ограничения деторождения (с тем же подсказом мотивов) задается женщинам, уже сказавшим ранее, что они не желают иметь детей вообще или больше того числа, которое имеют[2]. Но и в тех случаях, когда на этот вопрос просят ответить только тех, кто имеет детей меньше, чем хотел бы, положение меняется мало. Об этом свидетельствует опыт исследования «СССР-1969». Анализируя результаты этого обследования, В. А. Белова пишет, что по крайней мере 56% опрошенных в этом обследовании имеют детей столько, сколько желают[3], и, следовательно, можно полагать, что отказ от дальнейшего деторождения в этих семьях вызывается просто тем, что их потребность в детях полностью удовлетворена, им детей больше не нужно, независимо от каких-либо условий материального характера. Тем не менее в этом обследовании только 11,5% опрошенных не назвали ни одной причины, «мешающей» иметь детей больше[4]. Остальные (из этих 56%, т. е. 44% опрошенных (!) подчеркнули один или несколько мотивов из числа предложенных в подсказе, мешающих им иметь еще ребенка (?).

---

[1] Подробнее об этом см.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 123; *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 159—161.

[2] Например, в исследовании, проведенном Центром народонаселения МГУ в Москве в 1970 г. (см.: *Киселева Г. П., Рылкова И. Н.* О мотивах ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения, с. 58).

[3] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 158.

[4] См.: *Там же,* с. 158. Между прочим, среди этих 11,5% женщин, не указавших ни одной причины, могли быть не только такие, чья потребность в детях удовлетворена полностью, но и такие, которые не против того, чтобы иметь еще ребенка, но отказываются от этого по мотивам, не нашедшим места в подсказе, и которые они не решились указать, считая их недостаточно одобрительными. Во всяком случае, думается, никак нельзя трактовать эти случаи неуказания ни одного из предложенных мотивов ограничения деторождения как «удовлетворенность своим социально-экономическим положением» (см.: там же, с. 158). Респонденты могли быть неудовлетворены своим социально-экономическим положением, но удовлетворены имеющимся у них числом детей и поэтому правильно, в соответствии со смыслом вопросника, не ответили на вопрос о мотивах ограничения деторождения, как не относящийся к ним.

В. А. Белова делает правильный вывод из этого парадоксального факта, что в данном случае опрошенные женщины просто выразили свой взгляд на причины ограничения числа детей вообще, но не в своей семье[1]. Но какова доля женщин, таким образом интерпретирующих обращенный к ним вопрос о мотивах ограничения деторождения в своей семье, неизвестно. Неизвестно ни в обследовании «СССР-1969», ни тем более в менее квалифицированных обследованиях. Тем не менее распределение ответов на прямые вопросы, т. е. информации весьма ненадежной, трактуется в большинстве исследований как распределение подлинных мотивов и даже причин ограничения рождаемости. К примеру, даже В. А. Белова после глубоких теоретических рассуждений, показавших иллюзорность распределения мотивов ограничения деторождения на основе прямого вопроса, не удержалась от соблазна истолковать некоторые полученные ответы как подлинные мотивы поведения[2].

Об этом приходится говорить потому, что тенденция истолковывать ответы на прямые вопросы о мотивах буквально как выражение подлинных мотивов и даже установок встречается слишком часто. В научной литературе появились ссылки на мнения женщин как на аргумент в собственных выводах исследователя такого, например, типа: «женщины сказали, что...» или «по мнению опрошенных женщин...», после чего ответы женщин абсолютизируются и отождествляются с подлинными мотивами и причинами поведения, в то время как источник информации и техника ее получения зачастую больше уже и не упоминаются.

---

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 159.

[2] Так, она пишет: «В обследовании «ИРУ-1969» (так в ее книге условно названо то же обследование, которое в этой книге условно называется «СССР-1969». — *В. Б.*) проявилась существенная значимость таких мотивов, как непрочность семьи (пьянство или непостоянство мужа), удаленность детских учреждений от места жительства и недостаточное качество обслуживания в них (дети часто болеют), не удовлетворяющее возросшие запросы родителей, занятость на работе, социальный престиж, одобрение или осуждение референтной группы и т. п.» (с. 155—156). Но о какой же значимости мотивов может идти речь после того, как сама автор показала всю ненадежность полученной информации? Думается, здесь есть основания судить только о том, какие мотивы из числа предложенных в подсказе *представляются* наиболее одобряемыми (положительными) на уровне здравого смысла, но не более.

Таким образом получается, что главная часть научного исследования — научная интерпретация полученных результатов — то, что составляет прерогативу ученого-профессионала, фактически передается им в руки самого объекта исследования. Такая тенденция не может не беспокоить, потому что наносит ущерб авторитету развивающихся социально-демографических методов исследования факторов рождаемости, так как под этим наименованием зачастую преподносится нечто совсем иное, а именно обычные статистические методы фиксации признаков. Только если в традиционных статистических исследованиях фиксировались характеристики условий жизни, то теперь фиксируются высказывания, но способ интерпретации полученной информации остается традиционным. Если раньше демографы на основе сопоставления условий жизни и показателей рождаемости гадали о мотивах репродуктивного поведения, то и теперь, на основе опросов мнений женщин, полученной информации хватает лишь для предположений — гаданий о подлинных мотивах и установках поведения.

Рождение детей, их наличие или отсутствие, то или иное их число — все это так или иначе затрагивает самые основные глубинные стороны жизни индивида и семьи. Поскольку потребность в детях находится в диалектической связи и в противоречии с другими основными потребностями человека, репродуктивная мотивация, во всяком случае, не менее сложна по своей структуре, формированию и проявлению, как и всякая другая мотивация сложных форм человеческого поведения. Поэтому и для изучения репродуктивной мотивации требуется использование сложной социально-психологической техники, которая уже имеется (проективные методики, шкалограммный анализ, социометрическая техника, контент-анализ и др.). Тут двумя-тремя лобовыми вопросами не отделаешься.

Изучение репродуктивной мотивации и установок потребует значительного расширения программ исследований, включения в них не только прямых вопросов фактографического характера, но и вопросов, направленных на изучение собственно мнений, т. е. оценочных суждений, непосредственно выражающих положительное или отрицательное отношение опрашиваемых к различным аспектам, связанным так или иначе с рождаемостью.

Представляется целесообразным для выявления репродуктивных установок наряду с вопросами об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей, становящимися уже традиционными, задавать также вопросы, имеющие целью выяснить, например, осведомленность людей об уровне рождаемости в мире, в стране, в районе их проживания, их понимание «высокой» или «низкой» рождаемости, их отношение к «низкой» или «высокой» рождаемости, к семьям с бо́льшим или ме́ньшим, чем у них, числом детей, отношение к тем или иным способам регулирования деторождения, отношение к внебрачным рождениям, к усыновлению (удочерению) детей и многие другие вопросы, не затрагивающие непосредственно репродуктивного поведения респондентов. Таким путем, думается, скорее можно выявить действительные репродуктивные установки к числу *своих* детей (в том числе и неосознаваемые), чем с помощью только прямых вопросов.

Идеальное, желаемое и ожидаемое число детей как индикаторы репродуктивного поведения. В последние годы вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье становятся непременным атрибутом программ демографических исследований факторов рождаемости. Числовые показатели, получаемые в ответах на эти вопросы, рассматриваются исследователями как отражение социальных репродуктивных норм (идеальное число детей), личных предпочтений респондентов (желаемое число детей) и их намерений в зависимости от конкретных обстоятельств жизни (ожидаемое число детей).

Считается также, что каждый из этих показателей отражает одну из сторон репродуктивной установки, а все вместе они характеризуют ее гармоничность и устойчивость. Поэтому, казалось бы, все три показателя должны были бы присутствовать в программе исследования одновременно, и тем не менее в подавляющем большинстве отечественных исследований, изучавших представления женщин о числе детей, в программу включались только один или два вопроса об идеальном или, чаще, об ожидаемом числе детей [1].

[1] Нам известно только одно исследование, в котором задавались все три вопроса об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей одновременно (и причем весьма квалифицированно). Это исследование, проведенное социологами Ленинградского государственного университета и НИИ комплексных социальных исследований в Ленин-

Трудно сказать, чем это объясняется. Нам кажется, что немалую роль (кроме недостаточного внимания к разработке теоретической концепции, о чем справедливо говорит В. А. Белова) [1] играет и утилитарно-практический характер многих эмпирических исследований, имеющих целью «малыми средствами» изучить планы и намерения семей в отношении деторождения с тем, чтобы положить эти сведения в основу прогнозов уровня рождаемости, а также и недостаток средств и технических возможностей для обработки результатов по более развернутой программе.

Иногда считают, что одновременная постановка всех трех вопросов об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей затрудняет респондента и создает возможность для смешения этих понятий в ответах. Нам представляется, что, как раз наоборот, в этом случае респондент задумывается о различии понятий идального, желаемого и ожидаемого числа детей (при условии достаточно четкой редакции каждого вопроса), в то время как при неполном наборе вопросов как раз и создается возможность для смешения понятий, особенно таких, как идеальное и желаемое число детей.

Например, если в программе задается только один вопрос об идеальном числе детей (особенно если редакция вопроса недостаточно четкая), но нет вопроса о желаемом числе детей, вероятным результатом может быть то, что часть респондентов назовут не идеальное, а желаемое число детей, и это повлияет на числовые результаты, поскольку желаемые числа детей обычно закономерно ниже идеальных. Точно так же может быть и смешение желаемых чисел детей с ожидаемыми, если в программе есть только один из вопросов — либо только о желаемом, либо только об ожидаемом числе детей. Другое дело, что в этом случае различия в интерпретации вопроса респондентами остаются неизвестными для

граде в 1973 г. Редакция вопросов была следующей: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были все условия?», «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего иметь в семье вообще»?, «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего?» — и в развитие этого вопроса четвертый вопрос: «Предполагаете Вы иметь детей (или еще одного ребенка) в далеком или близком будущем?» (цит. по кн.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 48).

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 51.

исследователя и у него может создаться *впечатление* единого понимания вопроса (поскольку нет других вариантов), но это впечатление иллюзорно.

Каждый из показателей: идеальное, желаемое и ожидаемое число детей — имеет свое специфическое значение, и они не могут заменить друг друга [1]. В частности, вопрос об *идеальном* числе детей направлен на выяснение представления респондента о наилучшем числе детей в семье *вообще* (в средней семье, в другой семье), но не обязательно в своей семье. Большинство исследователей сходятся в суждении, что идеальное число детей отражает нормы детности, преобладающие в тех или иных социальных группах, некоторые трактуют это число как действительный идеал, к которому семья может стремиться при устранении условий, препятствующих реализации этого идеала. Так, например, А. И. Антонов полагает, что среднее идеальное число детей как бы определяет тот «запас прочности», который может быть теоретически достигнут, если понадобится повысить фактическое число детей в семье [2]. С таким мнением нельзя согласиться.

Представляется правильным предположение В. А. Беловой, что, отвечая на вопрос об идеальном числе детей в семье вообще, респонденты ориентируются на социальные нормы, на потребности общества в детях, а не на свои собственные потребности и желания [3]. Думается, что при правильной формулировке вопроса об идеальном числе детей в семье вообще большинство респондентов отчетливо понимают, что вопрос не затрагивает непосредственно их личных намерений в отношении деторождения, особенно если в программе есть отдельные вопросы об этих намерениях. Такой правильной формулировкой представляется редакция вопроса об идеальном числе детей в обследовании «СССР-1969»: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?» [4].

---

[1] Наиболее полный обзор формулировок вопросов о предпочтительном числе детей, имевшихся в программах обследований, проведенных в нашей стране, приводится в кн. В. А. Беловой «Число детей в семье» (с. 44—48).

[2] См.: *Антонов А. И.* Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей, с. 86.

[3] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 101.

[4] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 35.

В американских исследованиях этот вопрос формулируется таким образом: «Какое, по Вашему мнению, идеальное число детей для *средней* американской семьи?» [1], причем слово «средней» в анкете подчеркивается.

Нам представляется также интересным высказывание А. Г. Волкова и Л. Е. Дарского, что, хотя каждый из ответов об идеальном числе детей не отражает непосредственно групповой нормы детности, совокупность таких ответов используется для характеристики этой нормы [2]. Действительно, совокупность ответов об идеальном числе детей используется исследователями для количественной характеристики репродуктивных норм. Однако, думается, эти ответы отражают представления о нормах, а не сами нормы. Эти представления могут адекватно отражать действующие социальные нормы, но могут быть и ошибочными или отражать нормы, бытовавшие в прошлом, и т. п.

Здесь важно учитывать ряд обстоятельств. Например, многое зависит от того, как понимать социальные нормы. Так, В. А. Белова и Л. Е. Дарский считают, будто репродуктивные нормы не имеют обязательного характера, т. е. могут выполняться или не выполняться, и их невыполнение или непринятие не влечет за собой никаких формальных санкций [3]. Вряд ли такие нормы, соблюдение которых не носит обязательного характера, могут считаться вообще нормами, так как они тогда утрачивают свою определяющую функцию регуляции поведения.

Если репродуктивные нормы не имеют формального характера (хотя некоторые из них отражаются и в законах о браке и семье, т. е. имеют и формальный характер), то это ничего не меняет, потому что неформальные санкции могут быть такими же суровыми, как и формальные. Конечно, индивид может в своем поведении сознательно переступить какие-либо нормы. Но это не означает его свободы от норм вообще, это означает обычно, что индивид переступает *одни* нормы, чтобы соблюсти *другие*, более для него значимые.

---

[1] *Ryder N. B., Westoff Ch. F.* Reproduction in the United States, 1965, Princeton, 1971, p. 374.

[2] См.: *Волков А. Г., Дарский Л. Е.* Предисловие к книге «Изучение мнений о величине семьи», с. 7.

[3] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 10.

Чаще это происходит в тех случаях, когда человек формально принадлежит к одной социальной группе, а ориентируется на ценности и нормы другой социальной группы. Таким образом, если среднее идеальное число детей значительно отличается от среднего желаемого числа детей (которое в большей степени, чем идеальное число, отражает личные потребности в детях) и среднего фактического числа детей (к концу репродуктивного периода жизни), то это свидетельствует, думается, о том, что представления большинства респондентов об идеальном числе детей отражают не актуально действующие нормы детности, а какие-то другие, которым следовать они не собираются (может быть, это нормы, действовавшие в прошлом). И следовательно, среднее идеальное число детей не может служить ориентиром для демографической политики (без его сопоставления с желаемым числом детей).

Вопрос о *желаемом* числе детей предполагает выявить личные предпочтения респондентов в отношении числа детей, т. е. установить то число детей, которое респондент хотел бы иметь в *своей* семье, если бы ничто не мешало ему осуществить свое желание. Этот вопрос исследователи стараются формулировать таким образом, чтобы в нем не содержалось намека на долженствование или зависимость от внешних условий. Например, в исследовании социологов Ленинграда этот вопрос формулируется так: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были все условия?». Несколько иная формулировка этого вопроса дается в американских исследованиях рождаемости, в частности в обследовании NFS 1965: «Если бы Вы могли иметь детей ровно столько, сколько хотите, какое это число могло бы быть?» [1]. Желаемое число детей наиболее близко отражает индивидуальную потребность в детях, и, следовательно, этот показатель может служить наиболее близким числовым выражением репродуктивной установки детности.

И наконец, вопрос об *ожидаемом* числе детей имеет целью определить репродуктивные намерения и репродуктивные ожидания респондентов, зависящие от многих конкретных обстоятельств их жизни, от решения пробле-

---

[1] *Ryder N. B., Westoff Ch. F.* Reproduction in the United States, 1965. Princeton, 1971, p. 374.

мы конкуренции репродуктивных планов с другими жизненными планами и т. п. Этот показатель имеет наибольшее, по сравнению с двумя предыдущими, практическое значение для прогнозирования тенденций рождаемости. Вероятно, поэтому он чаще других включается в программы обследований рождаемости, проведенных в нашей стране. Хотя, как отмечают некоторые исследователи, «вопрос о том, в какой мере можно пользоваться данными об ожидаемом числе детей непосредственно для прогнозов (видимо, имеются в виду перспективные расчеты. — *В. Б.*), еще недостаточно разработан»[1], данные многих эмпирических исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом среди групп населения с относительно низкой рождаемостью, как нам представляется, дают основания для суждения о том, что ожидаемое число детей довольно близко к реальности отражает будущие результаты репродуктивного поведения.

При прогнозе можно полагать, что среднее фактическое число детей окажется несколько меньше ожидаемого, потому что многие супруги, естественно, не могут предвидеть уменьшения своей плодовитости или не знают ее состояния в момент опроса. О том, что некоторые респонденты дают завышенную оценку своих репродуктивных возможностей, можно судить по данным обследования «СССР-1969» о распределении опрошенных женщин по ожидаемому числу детей. Так, доля женщин, сказавших, что они не ожидают иметь ни одного ребенка, составила в среднем по СССР всего 1,0%, с вариацией от минимума 0,2% в Эстонии до максимума 2,4% в Литве[2]. Между тем по результатам различных исследований, которые обсуждались в первой главе этой книги, брачная инфертильность составляет в действительности 3—5%.

Таким образом, среднее ожидаемое число детей в семьях рабочих и служащих СССР, полученное по ответам женщин (2,42) завышено ответами женщин, не знающих о своем бесплодии (или, точнее, о бесплодии своего брака). Попробуем внести коррективы в это среднее число. Для этого примем долю женщин, которые вовсе не будут иметь детей, равной 4,0% вместо 1,0%. Полагая

[1] *Волков А. Г., Дарский Л. Е.* Предисловие к книге «Изучение мнений о величине семьи», с. 8.

[2] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 103.

далее, что $^2/_3$ женщин, завысивших свои репродуктивные возможности, назвали в качестве ожидаемого числа детей одного ребенка, а $^1/_3$ — двух детей, и оставив остальные доли женщин по ожидаемому числу детей без изменения, подсчитаем среднее ожидаемое число детей. Получится 2,38 вместо 2,42. Разница невелика, но есть. Кроме того, и среди женщин, ожидающих иметь трех, четырех и более детей, не все смогут реализовать свои планы из-за пониженной плодовитости (в связи с возрастом и в связи с абортами).

Таким образом, среднее ожидаемое число детей по данным обследования «СССР-1969» (поскольку состояние плодовитости респондентов в нем не учитывалось) нужно рассматривать как «высокий» вариант семейных прогнозов. Такие же поправки, вероятно, следует вносить и в результаты других обследований, не учитывающих состояние плодовитости респондентов.

Кроме того, имеется много факторов социального характера, которые затрудняют реализацию репродуктивных планов супругов, снижают фактическое число детей по сравнению с ожидаемым, и можно предположить, что сила препятствующих факторов будет тем больше, чем больше величина планируемого числа детей (это предположение, следует отметить, относится к такому населению, в котором происходит устойчивый процесс сокращения социальных норм детности). В результате фактическое число детей к концу репродуктивного периода в большинстве случаев оказывается меньше ожидаемого. К примеру, по расчетам американских демографов, сравнивших результаты текущего обследования населения, проведенного в июне 1972 г., с результатами обследования GAF 1960, оказалось, что женщины 1936—1942 гг. рождения, которым в 1960 г. было 18—24 года, теперь будут иметь к концу репродуктивного периода жизни 2,9 рождения в среднем вместо 3,1, которое было рассчитано по их ответам в 1960 г. как среднее ожидаемое число детей[1].

Хотя показатели идеального, желаемого и ожидаемого числа детей получают пока чаще всего только с помощью прямых вопросов, без контроля искренности и мо-

[1] «Birth Expectations and Fertility: June 1972 (Advance Data from the June 1972 Current Population Survey)». Current Population Reports, Series P-20, № 240, Washington, 1972, p. 4.

тивации ответов (вследствие чего остается значительная неопределенность при их истолковании), все же при достаточной осторожности *сочетание всех трех показателей* дает, думается, некоторое представление об основных компонентах репродуктивной установки детности (установки на число детей).

Это сочетание представляется таким: идеальное число детей отражает в большей степени когнитивные компоненты репродуктивной установки, сознательную ориентацию на социальные нормы (не обязательно своей референтной группы, это могут быть нормы, признаваемые только внешне); желаемое число детей отражает в большей степени когнитивно-эмоциональные компоненты установки, а ожидаемое число детей — практические компоненты установки, установку действия.

Близость всех трех показателей по величине свидетельствует поэтому, что семья имеет детей столько, сколько хочет, и считает это число вполне соответствующим принятым в обществе обычаям. Напротив, расхождение показателей говорит прежде всего о процессе изменения социальных норм детности, о том, что потребности семьи в детях не соответствуют ее представлениям о социальных нормах детности (если желаемое число детей расходится с идеальным), либо что потребности в детях не удовлетворены (если ожидаемое число детей меньше желаемого).

Именно разница между ожидаемым и желаемым числом детей может служить ориентиром для демографической политики. Например, если среднее желаемое число детей соответствует уровню рождаемости, оптимальному с точки зрения общества, но среднее ожидаемое число детей в семье ниже среднего желаемого, то разница между ними есть тот резерв, который относительно легко может быть реализован, если активизировать материальную помощь семьям, чья потребность в детях не удовлетворена. Если же среднее ожидаемое число детей не отличается значительно от среднего желаемого (на низком уровне), то одних мероприятий материальной помощи для повышения рождаемости будет уже недостаточно. В этом случае требуется стимулирование потребности в детях, а это значительно более сложная задача.

К сожалению, составить представление о расхождении или близости среднего желаемого и среднего ожи-

даемого числа детей по данным эмпирических исследований бывает довольно трудно. В наиболее крупных обследованиях, проведенных НИИ ЦСУ СССР, вопрос о желаемом числе детей в программе отсутствует (а в программе обследования 1972 г. был вообще только один из трех вопросов — об ожидаемом числе детей). В программах ряда исследований, содержащих вопрос о желаемом числе детей, формулировки этого вопроса различаются и не всегда позволяют интерпретировать ответы респондентов как выражение именно желаемого числа детей. Иногда желаемое число детей смешивается с ожидаемым, иногда с идеальным.

Например, в обследовании, проведенном в сельской местности Ростовской области в 1965—1970 гг., вопрос о желаемом числе детей формулировался таким образом: «Сколько всего детей Вы хотите иметь в своей семье?» [1]. Очевидно, при такой редакции вопроса полученные ответы (во всяком случае какая-то часть ответов) отражают скорее намерения, чем желания респондентов. Собственно, и из текста статьи, в которой опубликованы некоторые результаты упомянутого исследования, можно видеть, что автор исследования не проводит различия между желаемым и планируемым числом детей [2].

В латвийском обследовании 1966—1967 гг. задавалось одновременно четыре вопроса, ответы на которые интерпретировались исследователями затем как желаемое число детей: 1) желает ли опрашиваемая иметь еще детей или вообще иметь детей, если их пока нет? 2) когда опрашиваемая собирается реализовать свое желание (сейчас, через некоторое время, не думала)? 3) если не желает (или желает через некоторое время), указать причины, 4) сколько детей опрашиваемая желает иметь (включая уже имеющихся)? [3]. В этом случае речь факти-

---

[1] *Салатич А. И.* Изучение рождаемости в сельской местности путем динамического наблюдения брачной когорты. — «Здравоохранение Российской Федерации», 1971, № 4, с. 22.

[2] В частности, он пишет, что «изучение ответов на этот вопрос показало, что основная масса (98%) обследуемых *планировала* (подчеркнуто нами. — *В. Б.*) число детей уже в начале совместной жизни» (*Салатич А. И.* Изучение рождаемости в сельской местности путем динамического наблюдения брачной когорты. — «Здравоохранение Российской Федерации», 1971, № 4, с. 22).

[3] См.: *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости, с. 30. Критические замечания по поводу трактовки показателя желае-

чески идет не о том, сколько детей хотели бы иметь опрашиваемые, если бы к этому имелись все условия, а о том, сколько они намерены иметь на самом деле. Иначе говоря, речь идет об ожидаемом, а не желаемом числе детей.

В другом обследовании, проведенном Центром по изучению проблем народонаселения МГУ в Чувашской АССР, вопрос был сформулирован так: «Задумывались ли Вы над тем, сколько детей желательно иметь в семье?»[1]. Ответы интерпретировались как желаемое число детей. Однако этот вопрос мог быть истолкован некоторыми респондентами как вопрос об идеальном числе детей, поскольку из него неясно, о какой семье идет речь: то ли о семье респондента, то ли о семье вообще, о другой семье и т. д.

При первых публикациях результатов московского обследования 1966 г., проведенного НИИ ЦСУ СССР, ответы на вопрос: «Сколько всего детей Вы предполагаете иметь?» — были также интерпретированы исследователями как желаемое число детей[2]. Некоторые исследователи и сейчас не проводят различий между идеальным и желаемым числом детей и используют эти показатели как равнозначные[3].

мого числа детей в этом обследовании см. также: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 49.

[1] *Киселева Г. П.* Из опыта конкретного социально-демографического обследования. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 311. В другой публикации результатов этого обследования тот же самый вопрос приводится в несколько иной редакции: «Сколько детей Вы считали бы желательным иметь в семье? (*Киселева Г. П.* О демографической ситуации в РСФСР. — В кн.: Районные особенности воспроизводства населения СССР. Чебоксары, 1972, с. 35). В такой редакции, думается, этот вопрос еще ближе по смыслу к вопросу об идеальном, а не о желаемом числе детей. Какая же из двух формулировок вопроса была на самом деле в опросном листе — остается неясным.

[2] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 288—296; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Мнения женщин о формировании семьи. — «Вестник статистики», 1968, № 8, с. 28—32. В последующих своих работах *В. А. Белова* и *Л. Е. Дарский* не повторяли больше этой ошибки при описании результатов обследования 1966 г., но и не оговорили ее. Поэтому сохраняется вероятность «тиражирования» ее в работах других исследователей.

[3] Например, в тексте одной из статей, описывающей результаты опроса, проведенного в Целиноградской области, говорится о желаемом числе детей, в то время как в таблице, которая приводится в той же статье, тот же показатель именуется идеальным числом детей (см.: *Желоховцева И. Н., Свиридова Л. Е.* К вопросу о возможностях

Если сравнить формулировки вопросов о желаемом числе детей, имеющихся в программах советских эмпирических исследований, то приходим к выводу, что среди них мало таких, которые действительно отражают желаемое число детей, а не другой показатель и которые были бы сопоставимы с другими. Но исследователи пока редко обращают внимание на формулировки вопросов, сравнивая результаты различных исследований. Между тем малейшие различия в редакции вопросов о числе детей могут оказать значительное влияние на величину соответствующих показателей.

К примеру, сравнивая результаты двух московских обследований 1966 и 1969 гг., относящиеся к примерно аналогичным совокупностям респондентов, В. А. Белова и Л. Е. Дарский обнаружили весьма заметное повышение средних идеальных чисел детей при незначительном повышении средних ожидаемых чисел детей (табл 35). Вначале авторы проявили осторожность, указав на различия в методах опроса и в составе контингентов опрошенных[1], но затем истолковали это резкое изменение показателей всего за три года как реальный сдвиг в сторону повышения социальных норм детности[2]. Между тем ни в эти три года (между 1966 и 1969 гг.), ни в последующие годы уровень рождаемости в Москве не изменился.

В. А. Белова и Л. Е. Дарский считают, что «вопрос об идеальном числе детей был сформулирован *почти* (подчеркнуто нами. — *В. Б.*) одинаково в обоих обследованиях»[3]. Однако разница все же была. В 1969 г. вопрос об идеальном числе детей формулировался так: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?», тогда как в 1966 г. слово «вообще» в вопросе отсутствовало. Вот в этой разнице и заключается, по нашему мнению, вся причина столь стремительного «повышения норм детности».

реализации желаемого числа детей в семьях. — «Советское здравоохранение», 1973, № 4, с. 25). Так как формулировка вопроса, на основе которого получено среднее число детей, в статье не приводится, остается неясным, какой же из двух показателей имеется в виду.

[1] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 85.

[2] См.: *Там же,* с. 85—86, 113.

[3] *Там же,* с. 86.

Таблица 35

Идеальное и ожидаемое число детей по ответам женщин; Москва, 1966 и 1969 гг.

Возраст женщин, лет	1966 г.		1969 г.			
					По ответам женщин-работниц с образованием ниже среднего	
	Среднее идеальное число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее идеальное число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее идеальное число детей	Среднее ожидаемое число детей
До 25	1,76	1,62	2,29	1,77	2,57	2,29
25—29	1,84	1,70	2,36	1,67	2,40	1,98
30—34	1,82	1,65	2,34	1,63	2,34	1,78
35—39	1,94	1,66	2,38	1,71	2,47	1,86
В среднем	1,87	1,66	2,35	1,68	2,42	1,88

Источник. *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 84, 114—115.

По-видимому, редакция вопроса об идеальном числе детей в 1969 г. позволила более точно отразить в массе ответов представления респондентов о нормах детности, в то время как в 1966 г. значительная часть респондентов истолковала этот же вопрос, но без слова «вообще», как обращенный к их личным предпочтениям, т. е. как вопрос о желаемом числе детей. Такое понимание вопроса могло быть обусловлено еще и тем обстоятельством, что в обследовании 1966 г. после вопроса: «Сколько детей, по Вашему мнению, лучше всего иметь в семье?», следовал вопрос «Когда Вы вступали в брак, сколько детей Вы хотели иметь?»[1]. Поскольку вопроса о желаемом числе детей (на момент опроса) в анкете не было, респонденты могли истолковать оба вопроса как однотипные, о желаемом числе детей «сейчас и раньше».

Что такое предположение не лишено оснований, подтверждается, как нам кажется, сравнением данных тех же двух московских обследований о доле женщин, у которых имеющееся число детей совпадает с идеальным по

[1] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 288.

их ответам. В 1966 г. доля таких женщин среди опрошенных составляла 43,2%, а в 1969 г. — всего 18,3%, в то время как доля женщин, у которых идеальное число детей превышает имеющееся, повысилась соответственно с 52,2 до 79,5%[1]. Такое резкое изменение в структуре ответов всего за три года можно объяснить, думается, только различной трактовкой респондентами вопроса об идеальном числе детей вследствие различной его редакции.

Предположение о том, что изменения в показателях идеального числа детей по данным обследований 1966 и 1969 гг. обусловлены только различиями в методах их проведения, подтверждается, на наш взгляд, и сравнением показателей среднего ожидаемого числа детей (см. табл. 35), которые почти не изменились. Не изменилось и среднее имеющееся число детей на момент опроса, которое по данным этих двух обследований совершенно одинаково — 1,3[2]. Таким образом, никаких реальных изменений в репродуктивном поведении московских женщин не произошло.

Правда, если из совокупности опрошенных в 1969 г. выделить группу женщин-работниц с образованием ниже среднего и сравнить их ответы с ответами всех женщин, опрошенных в обследовании 1966 г. (как это делают В. А. Белова и Л. Е. Дарский в своей книге), то разница в средних ожидаемых числах несколько увеличится. Но насколько оправдан такой прием? Ведь в совокупности женщин, опрошенных в 1966 г., какую-то долю составляли женщины-служащие со средним и высшим образованием, у которых среднее ожидаемое число детей заметно ниже, чем у женщин-работниц с образованием ниже среднего[3]. И хотя их доля среди опрошенных в 1966 г., вероятно, невелика, однако вряд ли структуры сравниваемых таким образом совокупностей можно признать одинаковыми. Кроме того, могли быть и другие факторы, по которым опрошенные в 1966 и 1969 гг. женщины различались.

[1] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 94.

[2] *Там же,* с. 114.

[3] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 293.

Таким образом, вывод В. А. Беловой и Л. Е. Дарского об изменении социальных норм детности всего за три года был, думается, слишком поспешным и неоправданным теоретически. Кстати, этот вывод находится в противоречии с их собственными теоретическими суждениями, что «социальные репродуктивные нормы формируются средой в период социализации личности и потом мало меняются в течение жизни человека»[1]. С нашей точки зрения, эти суждения правильны.

Схематично можно себе представить, что формирование репродуктивных установок личности происходит таким образом. В период социализации ребенка в процессе воспитания в семье закладываются основы его представлений о том, сколько детей вообще «нормально» или «лучше всего» иметь в семье. Для количественного формирования этих представлений имеет значение размер семьи, в которой развивается ребенок, простая она или сложная, сколько у него братьев и сестер, взаимоотношения всех членов семьи. Имеет значение и то, сколько детей в других семьях ближайшего окружения ребенка, имеющих в его глазах положительный авторитет[2].

По-видимому, в юности происходит формирование репродуктивных идеалов, т. е. представлений об идеальном числе детей или представлений о репродуктивных нормах

[1] *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 39. В 1970 г. Л. Е. Дарский писал по этому поводу: «Хорошо известно, что господствующие взгляды в отношении создания и быта семьи сильно подвержены влиянию традиций и что их изменение следует связывать скорее со сменой поколений, чем с изменением этих взглядов у одного и того же поколения на протяжении времени. Можно предполагать, что основные взгляды человека в отношении структуры и функции семьи и воспроизведения потомства формируются в период до 20—25 лет, оставаясь почти неизменными на протяжении остальной жизни» (*Дарский Л. Е.* Изучение плодовитости браков. — В кн.: Вопросы демографии, с. 213). И далее: «Не каждое изменение внешних условий существования отражается на коренных взглядах людей. Сознание данного поколения, комплекс его взглядов отражает не сегодняшние, сиюминутные условия существования, а весь опыт жизни данного поколения или, быть может, весь прошлый опыт, серьезно скорректированный опытом данного поколения в период его формирования» (там же, с. 213—214). См. также: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 7, 12 и др.

[2] По замечанию Джеймса Э. Дэвиса, «наибольшее влияние на наши установки имеют те, кто стоит к нам ближе всех социально, но немного выше нас по престижу» (*Дэвис Д. Э.* Социология установки. — В кн.: Американская социология (перспективы, проблемы, методы). М., 1972, с. 61.

детности, которые на протяжении дальнейшей жизни меняются мало. Эти представления еще совершенно абстрактны, идеализированы, вполне естественно не требуют никаких соответствующих им поступков в настоящем, но, возможно, оказывают влияние на формирование характера человека и его планы на будущее. Иначе говоря, в период социализации формируются когнитивно-нормативные компоненты репродуктивной установки детности, но не вся установка.

По мере взросления человека его представления о наилучшем числе детей в семье приобретают все более конкретный, личный характер. Формируются практические компоненты репродуктивной установки, складывается представление о желаемом числе детей. Однако к этому времени либо социальные нормы детности могут измениться, либо человек (или семья) может оказаться в ином социальном окружении, с иными нормами детности, чем те, которые были усвоены в процессе социализации. Тогда в зависимости от различий норм настоящего времени и усвоенных в прошлом или от характера межгрупповых различий в нормах для индивида (или семьи) возникает проблема переориентации потребностей или сохранения усвоенных ранее представлений о наилучшем числе детей. Решение этой проблемы выражается в ожидаемом и конечном фактическом числе детей в семье.

Пока имеется очень мало надежных эмпирических материалов, чтобы проверить эту гипотезу. Но те данные, которые имеются, показывают, что среди населения с невысоким и снижающимся уровнем рождаемости и с относительно однородным этнодемографическим составом среднее идеальное число детей всегда превышает среднее желаемое число детей, а среднее ожидаемое ниже среднего желаемого числа детей.

Так, в исследовании, проведенном в 1970 г. в Москве Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, среднее идеальное число детей составило 2,48, среднее желаемое — 1,81[1]. Интересно отметить, что доли женщин,

[1] См.: *Таубер Н. А.* Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости, с. 13.

Среднее идеальное число детей по данным этого обследования близко по величине к соответствующему показателю в московском обследовании 1969 г., проведенном НИИ ЦСУ СССР (2,35 — у всех женщин в выборке и 2,42 — у всех женщин-работниц с образованием ниже среднего), а среднее желаемое число детей в обследовании

считающих желаемым и идеальным числом детей два ребенка, почти совпадают (соответственно 59 и 60%), в то время как доли женщин, считающих желаемым и идеальным три ребенка, различаются очень значительно. Семью с тремя детьми как идеальную рассматривают 36% опрошенных, но как желаемую (т. е. для себя) — только 9%. Такое резкое расхождение в суждениях говорит о том, что двухдетная семья действительно оценивается как наилучшая (и соответствующая социальным нормам детности), тогда как значительное число ответов, в которых трехдетная семья названа идеальной, или неискренни, или отражают только осведомленность опрошенных женщин о проблеме низкой рождаемости в Москве, о ценности третьего ребенка для общества. Сами же они этому идеалу вряд ли собираются следовать.

По данным ряда французских опросов общественного мнения не только фактическое число детей обычно оказывается меньше идеального, но идеальное число детей для своей среды обычно меньше, чем общее идеальное число детей[1]. По-видимому, этот факт объясняется тем, что идеальное число детей для своей среды более конкретно, более осязаемо в личном плане для индивида, чем общее идеальное число детей, т. е. идеальное число детей для своей среды становится ближе по своему смыслу к представлению о желаемом числе детей.

В 1968 г. американские исследователи С. Густавус и Ч. Нэм опросили 1123 ученика шестых, девятых и двенадцатых классов в нескольких школах на юге США. Более $^3/_4$ опрошенных ответили, что задумывались над вопросом о том, сколько лучше всего иметь детей в своей семье. Несколько меньший процент школьников задумывались о том, каково идеальное число детей для средней американской семьи (табл 36). Вполне естественно, что среди старших школьников этот процент больше, но и 60% мальчиков — учащихся шестых классов, ответивших

1970 г. близко к среднему идеальному числу детей в обследовании 1966 г. (соответственно 1,81 и 1,87). Думается, это сходство может служить подтверждением ранее высказанного предположения, что в обследовании 1966 г. были получены данные о желаемом числе детей, а не об идеальном.

[1] См.: *Пресса Р.* Идеальное и фактическое число детей. — В кн.: Рождаемость и ее факторы, с. 102—103; *Жирар А., Зюке Э.* Опрос мнений о структуре семьи и предупреждении рождений. — В кн.: Изучение мнений о величине семьи, с. 21.

на вопрос об идеальном числе детей, — это тоже внушительная цифра[1]. Между прочим, интересно отметить, что по ответам шестиклассников видна четкая зависимость сроков формирования репродуктивных идеалов от числа братьев и сестер, среди которых вырастает ребенок. Чем их больше, тем раньше формируется представление об идеальном числе детей. Может быть, это просто косвенное свидетельство вообще более ранней социализации детей в больших семьях?

Таблица 36

Распределение школьников, ответивших на вопросы об идеальном числе детей в семье (1968 г.) в нескольких школах на юге США, %

	Имеющие представление об идеальном числе детей					
	для средней американской семьи			для себя		
	классы школы			классы школы		
	6-е	9-е	12-е	6-е	9-е	12-е
Все школьники	65	77	84	76	84	88
в том числе:						
мальчики	60	69	76	64	75	75
девочки	70	84	90	87	91	96
с числом братьев и сестер:						
2 или менее	52	80	81	66	80	90
3—4	64	78	83	70	83	81
5 и более	71	75	88	84	91	92

Интересно также, что с возрастом идеальное число детей по ответам школьников в обследовании 1968 г. увеличивается и приближается к общенациональному среднему показателю. Так, у учащихся двенадцатых классов (юношей и девушек) среднее идеальное число детей для средней американской семьи равняется 3,24 (табл 37),

[1] Этот факт говорит о том, что представления об идеальном числе детей формируются в довольно раннем возрасте. Нужно также иметь в виду, что поскольку в этом обследовании ответы о числе дедей были получены на прямые вопросы, часть детей могла просто постесняться ответить на них. Более тонкая техника опроса могла бы, возможно, обнаружить еще более высокий процент имеющих суждение по этому вопросу.

в то время как по ответам женщин, опрошенных в обследовании NFS 1965, оно составляло 3,29. Но главное здесь то, что по ответам школьников среднее идеальное число детей для средней американской семьи представляется несколько большим, чем для себя. Об этом же говорит и процентное распределение ответов по идеальному числу детей в табл. 37.

Таблица 37

Среднее идеальное число детей по ответам учащихся нескольких школ на юге США (1968 г.)

Классы	Процент назвавших идеальным данное число детей (из числа ответивших на вопрос)				Среднее идеальное число детей
	0	1—2	3—4	5 и более	
	Для средней американской семьи				
6	0,8	38,9	51,0	9,3	3,06
9	0,2	29,7	63,5	6,6	3,19
12	0,3	21,3	73,2	5,2	3,24
В среднем	0,4	30,5	62,0	7,1	3,16
	Для себя				
6	2,9	46,7	41,3	9,1	2,90
9	5,7	38,1	45,8	10,4	2,99
12	4,0	29,5	52,6	13,9	3,23
В среднем	4,3	38,6	46,2	10,9	3,02

Источник. *Gustavus S. O., Nam Ch. B.* The Formation and Stability of Ideal Family Size among Young People. — «Demography», 1970, v. 7, № 1, p. 46—47.

Хотя с возрастом процент респондентов, считающих идеальной семью с одним-двумя детьми значительно снижается, для себя такой тип семьи представляется все же более предпочтительным, чем вообще для некоей абстрактной семьи. В то же время идеал семьи с тремя-четырьмя детьми для себя представляется менее приемлемым, чем для «других». Таким образом, и здесь, видимо, проявляется привычная житейская логика, сходная с той, которая проявляется при сравнении идеальных и желаемых чисел детей (а идеальное число детей для себя по смыслу в какой-то степени заменяет здесь желаемое число детей): другие могут (или должны) иметь детей больше, я же этого себе позволить не могу (не смогу), у меня для этого нет условий.

В общенациональном американском обследовании рождаемости 1965 г. среднее идеальное и среднее желаемое число детей для всей выборки совпадают и составляют 3,29 (табл. 38). Таким образом, личные предпочтения, казалось бы, вполне соответствуют представлениям о социальных нормах детности. Однако если мы обратим внимание на распределение ответов по идеальным и желаемым числам детей, то убедимся, что это впечатление ошибочно, что совпадение средних показателей случайно и скрывает значительные различия. Если семью с тремя детьми назвали идеальной 75,1% опрошенных женщин, то желаемой — уже меньше (66,2%), а намерены иметь трех и более детей — 62,9% (при среднем планируемом числе детей — 3,24) [1]. Таким образом, и в этом американском обследовании значительная часть опрошенных женщин желает иметь детей меньше, чем называет идеаль-

Таблица 38

Распределение опрошенных женщин по идеальному, желаемому, планируемому и имеющемуся числу детей по данным национального американского обследования рождаемости 1965 г., %

Число детей	Распределение женщин по числу детей			
	идеальное	желаемое	планируемое	имеющееся
0	0,1	1,0	3,8	9,4
1	0,4	2,9	6,9	15,5
2	24,4	29,9	26,4	25,8
3	33,0	24,9	25,7	21,1
4	34,5	28,5	19,1	13,0
5	3,9	4,8	7,6	6,5
6	2,8	5,2	4,9	3,6
7 и более	0,9	2,8	5,6	5,0
В среднем	3,29	3,29	3,24	2,76
Стандартное отклонение	1,07	1,43	1,76	1,89

Источник. *Ryder N. B., Westoff Ch. F.* Reproduction in the United States. 1965. Princeton, 1971, p. 28.

[1] В этом обследовании различалось *планируемое* число детей, т. е. которое женщина намерена иметь (intended parity) и *ожидаемое* число детей (expected parity). Практически разница в величине показателей оказалась небольшой.

ным, а предполагает иметь еще меньше, тогда как некоторая часть женщин желает иметь детей больше, чем называет идеальным (это женщины, желающие иметь пять и более детей).

Превышение желаемого числа детей над идеальным, которое иногда отмечается в группах населения с относительно высокой рождаемостью, вероятно, объясняется тем, что многодетные семьи, когда их сравнительно немного среди семей с меньшим числом детей, ощущают свою исключительность, «ненормальность» и как бы стесняются ее.

В своих суждениях об идеальном числе детей они, вероятно, выражают таким образом согласие с репродуктивными нормами большинства, но в своем репродуктивном поведении ориентируются на нормы другой социальной группы, которая на самом деле является для них референтной. Так, в том же американском обследовании 1965 г. превышение среднего желаемого числа детей над средним идеальным проявилось в основном у белых католиков (среднее желаемое число детей — 3,74, среднее идеальное — 3,55), в то время как у белых некатоликов, большую часть которых составляют протестанты, среднее желаемое число детей почти совпадает с идеальным (соответственно 3,11 и 3,12), а у негритянок было значительно ниже идеального (3,21 и 3,61)[1]. Католики в США составляют только 1/4 населения старше 14 лет, в то время как протестанты — 2/3 населения[2]. Их репродуктивные нормы детности оказывают влияние на репродуктивное поведение католиков. И более низкие внешние репродуктивные идеалы (представления о нормах) католиков по сравнению с их внутренними идеалами (желаниями) указывают направление, в котором будет изменяться у них рождаемость.

Сложнее объяснить иногда наблюдаемое также в группах населения с высокой рождаемостью превышение планируемого, ожидаемого или имеющегося числа детей над желаемым числом детей. Но и в этом случае причины следует искать в структуре репродуктивных норм, ценностной ориентации и мотивах личности, а не в умении

[1] *Ryder N. B., Westoff Ch. F.* Reproduction in the United States. 1965. Princeton, 1971, p. 28.

[2] См.: Народонаселение стран мира. с. 374; *Пучков П. И.* Современная география религий, с. 141.

или неумении пользоваться контрацептивами (хотя и это может иметь некоторое значение).

В крупнейшем советском обследовании суждений женщин о числе детей «СССР-1969» показатели идеального числа детей сопоставлялись с показателями ожидаемого числа детей, что нельзя признать достаточным для анализа репродуктивного поведения. При таком сопоставлении остается неясным, к какому из двух показателей ближе по величине оказалось бы желаемое число детей, если бы сведения о нем были бы получены: к идеальному или ожидаемому? Только в этом случае можно было бы судить о том, насколько удовлетворяется потребность семей в детях и насколько реальны и устойчивы представления респондентов об идеалах детности.

Сопоставление же ожидаемого числа детей с идеальным, минуя желаемое число детей, оставляет много вопросов для догадок. Даже если ожидаемое число детей совпадает с идеальным, то это еще мало о чем говорит, потому что желаемое число детей при этом может быть выше или ниже двух других показателей. Если выше, то это могло бы означать, что потребность в детях не удовлетворена и не соответствует признаваемым социальным нормам детности. Если ниже, это могло бы означать, что респонденты в своем реальном поведении более следуют признаваемым, но не интернализованным нормам, чем своим внутренним предпочтениям (или что желания жены расходятся с желаниями мужа, мнение которого оказывается решающим). Во всяком случае совпадение только идеального и ожидаемого числа детей еще не позволяет судить о гармоничности репродуктивного поведения личности и семьи.

Социальная демография делает еще только первые шаги в изучении репродуктивного поведения. Но период первых робких опытов, в которых исследователи обнаруживали само наличие репродуктивной мотивации, уже заканчивается. Теперь требуются повышение теоретического уровня эмпирических исследований, расширение и углубление их программ и инструментария, отшлифовка и унификация вопросов, посвященных изучению репродуктивной мотивации, а также и расширение круга респондентов.

По традиции, унаследованной от анамнестических обследований фактического деторождения, исследователи

9—1712

факторов рождаемости, использующие метод опроса, ограничивают до сих пор свои опросы только кругом замужних женщин, считая их ответы наиболее компетентными. Такая точка зрения представляется не соответствующей специфике нового метода. Ведь в опросах мнений изучается отношение опрашиваемых к различным аспектам, связанным с рождаемостью, их суждения и оценки, а не только факты рождения детей, как это было в прошлом [1].

Начиная с определенного возраста каждый человек, будь то мужчина или женщина, имеет определенное представление и об идеальном, и о желаемом, и об ожидаемом числе детей. Для углубления теоретических знаний о различных аспектах формирования и структуры репродуктивного поведения могли бы быть целесообразны опросы мнений не только женщин, но и мужчин, не только состоящих в браке, но и не состоящих, не только взрослых, но и детей.

Это помогло бы выяснить, как и когда формируются репродуктивные установки, как они изменяются с возрастом и социальным положением, какую роль в их формировании могут играть средства массовой информации. Такие опросы помогли бы определить степень информированности различных слоев населения о демографической ситуации, как они ее себе представляют и какие мнения существуют по этому поводу. Иными словами, необходимо изучение морального климата вокруг проблемы рождаемости, поскольку он является важным фактором рождаемости.

---

[1] Кстати, исследование Карла Хартера, проведенное в 1965 г. в Нью-Орлеане, показало, что опросы мужчин не только об идеальных, желаемых и планируемых числах детей, но и о состоянии плодовитости брачной пары, и о регулировании деторождения, и о самых различных фактах репродуктивного поведения могут быть достаточно информативными. Интересно одно его критическое замечание по поводу опросов мнений только замужних женщин в американских исследованиях рождаемости: «Рождаемость не является продуктом действий одного пола и поэтому логично, что разобраться в поведении относительно деторождения, получая информацию только от женщин, нельзя. Не говоря уж о доминировании мужчин, можно сказать, что мужчина в семье играет по меньшей мере одинаковую с женщиной роль в принятии семейных решений. Однако до сих пор большинство опросов ориентировано исключительно на женщин» (*Harter C. L.* Male Fertility in New Orleans. — «Demography», 1968, v. 5, p. 61).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рождаемость проявляет тенденцию к сокращению до слишком низкого уровня, недостаточного для обеспечения хотя бы простого замещения поколений в будущем.

Основные причины такого сокращения рождаемости следует искать не в особенностях возрастной или брачной структуры населения и даже не в том, что для рождения трех и более детей будто бы не хватает доходов или жилищных условий, или детских учреждений, товаров и т. п. (хотя важность этих факторов вообще несомненна), а в исторических изменениях функций семьи и роли детей в них.

Тенденция сокращения рождаемости не является временной, скоропреходящей, а представляет собой исторический переход от естественной (неограничиваемой) многодетности к преобладающей малодетности.

Тенденция снижения рождаемости имеет всеобщий характер, поскольку является производной от социально-экономических факторов, научно-технического прогресса. Различия общественных систем оказывают определенное влияние на специфические особенности проявления этой тенденции, на темпы ее развития. В частности, при социализме не существуют такие отрицательно действующие на рождаемость факторы, как экономические кризисы, неуверенность трудящихся в завтрашнем дне, которые имеются в капиталистическом обществе. В то же время ряд факторов, влияющих в сторону ускорения тенденции к сокращению рождаемости, являются диалектическими следствиями преимуществ социализма: равенство мужчин и женщин в обществе, отсутствие профессиональной дискриминации женщин, высокая их занятость в общественном производстве, отсутствие этнической замкнутости

в социалистическом обществе, высокая социальная мобильность советских людей, доступность любого профессионального образования, отсутствие сословных перегородок и многие другие факторы.

Вряд ли существуют факторы, которые могли бы автоматически приостановить тенденцию рождаемости к малодетности и затем поддерживать рождаемость на среднем уровне. Это возможно только при помощи постоянно проводимой демографической политики.

Часть демографов, к которым причисляет себя и автор, считает, что основания для беспокойства о будущем уровне рождаемости в нашей стране есть. Сошлемся, в частности, на авторитетное мнение Б. Ц. Урланиса, который, анализируя динамику и факторы рождаемости в нашей стране, делает вывод, что без эффективной демографической политики «рост культуры, рост потребностей и повышение уровня квалификации женского труда будут сдерживающими факторами в отношении рождаемости. Более того, есть основания предполагать, что траектория кривой будущего уровня рождаемости будет идти в том же направлении, в каком она шла в истекшее десятилетие»[1].

В другом месте той же книги Б. Ц. Урланис обращает внимание на то, что в бюджете свободного времени женщины все более предпочтительными становятся кино, театр, туризм, спорт по сравнению с домашними заботами, приготовлением пищи, уходом за ребенком и т. п. Отсюда он делает вывод, что «в будущем характер использования свободного времени женщины будет складываться в неблагоприятную для рождаемости сторону»[2].

Рассматривая дифференциацию суждений женщин об ожидаемом числе детей в группах по размерам дохода и уровню образования, В. А. Белова отмечает, что относительно наибольшие показатели среднего ожидаемого числа детей наблюдаются в группах с самым низким доходом и с самым низким уровнем образования, т. е. в группах, которые численно будут сокращаться. Поэтому, резюмирует она, «вряд ли следует ожидать повышения плодовитости»[3] (т. е. рождаемости. — *В. Б.*).

Тенденцию к переходу значительной части населения

[1] *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. с. 164.
[2] *Там же,* с. 109.
[3] *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 145.

СССР к двухдетной семье отмечает и Р. И. Сифман по материалам исследования «СССР-1967»[1].

Определенное беспокойство по поводу перспектив рождаемости высказывают и некоторые другие демографы[2], однако, пожалуй, значительно более распространенным остается «оптимистическое» отношение к проблеме рождаемости.

Такое отношение проявляется по-разному. В частности, и в преобладающем до сих пор среди экономистов и демографов предубеждении, будто с дальнейшим повышением уровня жизни рождаемость автоматически повысится до «оптимального» уровня. А потому никаких специальных мероприятий, поощряющих рождаемость, не требуется.

Иногда высказываются мнения, будто бы демографическая наука еще не знает, какой уровень рождаемости следует считать оптимальным, а до того будто бы невозможно приступить к разработке конкретных мероприятий демографической политики. Можно подумать, что от решения этого вопроса зависит достижение любого уровня рождаемости, который будет признан в качестве оптимального. Однако в настоящее время уже хорошо известно из зарубежной практики, что демографическая политика в своем воздействии на рождаемость далеко не всемогуща. Говоря о необходимости активизации демографической политики, ее сторонники имеют в виду прежде всего предотвращение дальнейших тенденций распространения малодетности, а вовсе не какие-либо абстрактные цели.

Недооценка проблемы низкой рождаемости проявляется и во мнениях некоторых авторитетных демографов, согласно которым этой проблеме уделяется будто бы

[1] См.: *Сифман Р. И.* Формирование семьи в условиях низкой рождаемости. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе, с. 331.

[2] См., в частности: *Валентей Д. И.* О демографическом поведении. — «Правда», 1972, 16 авг., с. 3; *Киселева Г. П.* О демографической ситуации в РСФСР. — В кн.: Районные особенности воспроизводства населения СССР; *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР, с. 25, 78—81 и др.; *Сонин М. Я.* О некоторых аспектах изучения закономерностей движения населения и демографической политики. — В кн.: Демографическая политика, с. 88; *Таубер Н. А.* Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости, с. 16; *Шахотько Л. П.* Рождаемость в Белоруссии. Минск, 1975, с. 146—148 и др.

чрезмерно большое внимание, в результате чего «представляется как бы второстепенной не менее сложная и актуальная проблема — проблема улучшения здоровья населения и увеличения продолжительности его высокой трудовой активности»[1]. Эти демографы совершенно правы, выступая за комплексное воздействие на демографические процессы, но они противоречат сами себе, когда высказываются за «переориентацию» внимания с одной важной проблемы на другую, не менее важную. Демографические проблемы должны решаться все одновременно и в той степени, которой требует объективная необходимость.

Приводятся и другие доводы против активизации демографической политики. Так, некоторые экономисты и демографы, отождествляя объективный, закономерный характер сокращения рождаемости с «нормальным», считают на этом основании, что «любые «теории», направленные на ломку объективно сложившихся темпов воспроизводства населения при помощи каких бы то ни было способов субъективного вмешательства в нормальное, объективно обусловленное течение процесса, заведомо несостоятельны»[2]. Такая позиция «невмешательства в объективно обусловленные процессы» представляется странной. Если последовательно ее придерживаться, мы должны неизбежно прийти к отрицанию любой человеческой деятельности вообще, поскольку она в том и состоит, что с ее помощью весь окружающий объективный мир постоянно переделывается и приспосабливается человеком к его потребностям.

Непонятно, почему демографической политике, в отличие от всякой другой, должно быть отказано в способности эффективно воздействовать на объективно обусловленные процессы. Конечно, тенденции к распространению малодетности вполне закономерны, обусловлены влиянием целого ряда объективных факторов. Но, на наш взгляд, из этого не следует, что мы должны только пассивно наблюдать, как будут дальше развиваться события. Другое дело, что в своем воздействии на демографические процессы демографическая политика, чтобы быть эффективной, должна опираться на глубокое знание действительных объективных закономерностей в их диалектической взаимосвязи и сознательно использовать одни закономерности для изменения других закономерностей.

Думается, что и авторы, фактически преувеличивающие незыблемость объективных факторов в демографических процессах, не такие уж «фаталисты», как можно подумать. Просто в их доводах отражается, видимо, их убеждение, что уровень рождаемости сам собой установится на «оптимальной» высоте, без участия демографической политики.

Некоторые экономисты, занимающиеся проблемами народонаселения, пытаются иногда представить тенденции рождаемости в более благоприятном виде, чем есть на самом деле. Так, например, политэконом Ю. А. Бжилянский, выступив в «Литературной газете» против «паники» по поводу снижения рождаемости, высказался в таком смысле, что, хотя демографически рождаемость в нашей стране снижается, экономически она будто бы даже растет, поскольку родившиеся в настоящее время будут производить продукции (когда вырастут) во много раз больше, чем родившиеся в прошлом. Перемножив родившихся на производительность труда, Ю. А. Бжилянский получает в результате, что «экономически рождаемость не падает, а растет, то есть 17 родившихся в 1970 г. больше 45 родившихся в 1913 г.»[1]. Совершенно очевидно, что при таком «экономическом росте» рождаемости мы будем приближаться к депопуляции со скоростью, прямо пропорциональной темпам роста производительности труда.

Некоторые демографы признают возможность сокращения рождаемости до уровня преобладающей однодет-

---

[1] См., например: *Стешенко В. С.* Об исследовании основ демографической политики развитого социалистического общества. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе, с. 106.

[2] *Бжилянский Ю. А.* Проблемы народонаселения при социализме. М., 1974, с. 72—73.

Фактически такого же взгляда придерживаются и некоторые ведущие демографы, которые пишут: «...воздействие общества на демографические процессы с целью изменения их тенденций чрезвычайно сложно и может быть успешным лишь в том случае, если оно не противоречит объективному воздействию на население социальных факторов, лежащих в основе этих процессов» (*Волков А. Г., Вишневский А. Г., Дарский Л. Е.* Современная рождаемость в СССР и ее регулирование. Совместный доклад на демографической конференции в Киеве в декабре 1973 г. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе, с. 366—367).

[1] *Бжилянский Ю. А.* Адам не будет последним. — «Лит. газ.», 1971, 29 сент., с. 11.

ности, но полагают, что даже в этом случае депопуляции можно избежать. К примеру, В. П. Пискунов допускает возможность того, что в будущем «индивидуальная потребность брачной пары в детях будет удовлетворяться рождением лишь одного ребенка. Ведь если экстраполировать в более или менее отдаленное будущее развитие условий, в которых протекает жизнедеятельность известных нам семейных образований, подобная ситуация не будет выглядеть чрезмерно фантастичной. Обязательно ли это вызовет депопуляцию? Думается, что нет. В процессе самого общественного развития наверняка появятся совершенно неведомые нам условия, в которых указанная угроза будет ликвидирована»[1]. Иначе говоря, неведомо как, неведомо когда, но как-нибудь наверняка обойдется. Уже такое самоустранение специалиста-демографа от решения научной проблемы вызывает возражение. Но далее, оказывается, В. П. Пискунов выдвигает некоторые способы решения проблемы депопуляции в условиях преобладающей однодетной системы родительства. Вот первый из вариантов.

Принимая во внимание техническую возможность в недалеком будущем регулировать пол потомства по желанию родителей, он пишет: «Одно из мыслимых решений указанной проблемы может состоять в том, что повышение роли женщины в жизни общества, возникновение своеобразного культа матери может привести к положению, при котором общий баланс индивидуальных желаний сложится в пользу значительного перевеса рождений детей женского пола, т. е. увеличится доля женщин в общей численности населения»[2]. Прежде всего следует заметить, что в этом варианте предполагается возникновение действительно очень своеобразного «культа» однодетной матери. Относительно проще повысить престиж самой обыкновенной матери с несколькими детьми и все остальное придумывать уже не нужно было бы.

Однако главный недостаток этого варианта состоит в том, что, как легко убедиться, при любом нарушении структуры по полу и однодетной системе родительства население не может избежать депопуляции, так как оста-

[1] *Пискунов В. П., Стешенко В. С.* К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 6—7, с. 87.

[2] *Там же*, с. 87—88.

ется необходимость замещения сколь угодно малого количества мужчин и бесплодных женщин, а также умерших до достижения брачного возраста.

Второй вариант решения проблемы депопуляции при однодетной системе родительства, предлагаемый В. П. Пискуновым, состоит в том, что он полагает возможным, при нормальной структуре населения по полу, компенсировать однодетность каждого отдельного брака увеличением числа повторных браков. По его мнению, современный идеал «вечной любви» устареет и люди будут вступать в брак по нескольку раз на протяжении жизни[1]. Оставим пока в стороне моральные аспекты подобной метаморфозы института брака и допустим, что она могла бы быть. И снова можно довольно легко убедиться, что таким путем также невозможно было бы решить проблему депопуляции, потому что для замещения одного поколения другим необходимо только, чтобы число рождений в среднем на одну женщину за всю жизнь было не менее 2,1, вне зависимости от состояния в браке. Иначе говоря, значение имеет только то, сколько детей рожает женщина за всю жизнь. Сколько же раз она вступает в брак, не имеет значения с точки зрения обеспечения замещения поколения. Если же в этой гипотезе В. П. Пискунова предполагается, что в каждом новом браке будет рождаться по ребенку (и, таким образом, у каждой женщины будет несколько детей), то это будет самая обычная многодетность, только при многобрачности. Думается, гораздо лучше достичь того же результата при сохранении традиционной формы брачного союза.

Наконец, В. П. Пискунов, как и некоторые другие демографы, высказывает мнение, что уменьшение числа детей в семье «может и не означать, что должно снижаться удовлетворение потребностей в материнстве и отцовстве. Ведь не обязательно, чтобы эти прекрасные человеческие (а не животные) чувства могли всегда удовлетворяться существованием только своих детей и только в своей семье (в современных ее формах). Несомненно, что новые отношения между людьми, свободные от пережитков классового строя, откроют реальность удовлетворения

[1] См.: *Пискунов В. П., Стешенко В. С.* К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 6—7, с. 88.

этого чувства не только своими детьми»[1]. Но как же быть в этом случае с проблемой депопуляции? Ведь если все начнут любить не своих детей, то довольно скоро любить уже будет некого. Из рассуждений названного автора не ясно, как же таким путем избежать депопуляции при распространении малодетности, а через несколько страниц оказывается, что тот же самый способ всеобщей любви к не своим детям как-то непоследовательно предлагается им уже для решения проблемы... перенаселенности земли[2], которая, как видно, представляется ему гораздо более заслуживающей серьезного внимания, чем проблема низкой рождаемости.

К сожалению, многие весьма авторитетные специалисты в области теоретической демографии чрезвычайно легко становятся оптимистами, когда речь заходит о перспективах рождаемости. Между тем трезвая оценка этих перспектив важна не только для своевременной разработки мероприятий демографической политики, но и для развития самой демографии. Ведь именно от того, насколько серьезна демографическая ситуация, насколько она требует вмешательства профессиональных демографов, зависит и потребное число специалистов, научно-исследовательских организаций и т. п.

Нужно также иметь в виду, что помимо сокращения брачной рождаемости на динамику уровня рождаемости и показателей воспроизводства населения в предстоящие годы будет влиять отрицательно и ряд других факторов. Как рассматривалось во второй главе этой книги, в первой половине 70-х гг. в нашей стране происходили благоприятные сдвиги в брачно-возрастной структуре женского репродуктивного контингента, в результате чего повысилось общее число рождений. Но начиная с 1976 г. возрастная структура женского репродуктивного контингента начинает снова ухудшаться за счет вступления в него численно уменьшающихся когорт женщин, родившихся в 1961—1969 гг., когда число родившихся неуклонно уменьшалось (с 5341 тыс. человек в 1960 г. до 4087 тыс. в 1969 г., т. е. на 23%). Влияние этого фактора на уровень рождаемости станет особенно ощутимым после 1980 г., когда когорты родившихся в 60-х гг. начнут вступать в возрастную группу 20—24 года, а более многочисленные когорты женщин, родившихся в 50-х гг., начнут переходить в старшие возрастные группы с низкой рождаемостью. Следовательно, на всем протяжении 80-х гг. число рождений будет сокращаться, даже если бы удалось приостановить сокращение брачной рождаемости.

В то же время число умерших будет расти за счет демографического старения населения. В результате следует ожидать значительного сокращения темпов естественного прироста населения.

Кроме того, следует внести и некоторые коррективы в представление о среднем числе детей в семье, необходимом для обеспечения простого воспроизводства населения. Сделанное ранее утверждение, что третий ребенок решает проблему воспроизводства населения, справедливо не при всех условиях, а лишь при малой дисперсии распределения семей по числу детей вокруг средней в 2,4 ребенка. Если же в населении велика доля однодетных семей, то для обеспечения хотя бы простого замещения поколений в будущем только третьих рождений становится уже недостаточно. В этом можно убедиться с помощью несложного приближенного расчета, разложив величину нетто-коэффициента воспроизводства населения СССР по долям рождений определенной очередности в общем числе рождений[1]. Умножая величину нетто-коэффициента на эти доли и последовательно складывая произведения, мы найдем, при какой очередности рождения он достигает единицы. Результаты расчета приведены в табл. 39. В 1960—1961 гг. в среднем по СССР простое замещение поколений обеспечивалось рождениями третьей очередности, но в настоящее время для этого необходимы рождения пятой очередности, третьих и четвертых рождений уже недостаточно[2].

---

[1] *Пискунов В. П., Стешенко В. С.* К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества.— В кн.: Демографические тетради. Вып. 6—7, с. 90.

[2] *Там же*, с. 92.

[1] Процентное распределение родившихся по очередности рождений у матери легко рассчитать на основе данных, регулярно публикуемых в журнале «Вестник статистики» (полагая при этом, что оно одинаково для детей обоего пола).

[2] Это обстоятельство, кстати, нужно учитывать при разработке системы семейных надбавок на детей. В некоторых социалистических странах, например в Болгарии, размеры семейных надбавок возрастают до третьего ребенка.

Таблица 39

Распределение нетто-коэффициента воспроизводства населения СССР по очередности рождения детей у матери

Годы	Всего	в том числе по очередности рождений (кумулятивно)						
		1	1—2	1—3	1—4	1—5	1—6	1—7
1960—1961	1,260	0,479	0,823	1,003	1,107	1,174	1,215	1,237
1961—1962	1,206	0,455	0,785	0,956	1,055	1,119	1,159	1,182
1962—1963	1,175	0,431	0,755	0,922	1,019	1,083	1,124	1,149
1963—1964	1,135	0,405	0,721	0,882	0,977	1,041	1,083	1,108
1964—1965	1,134	0,396	0,709	0,869	0,966	1,032	1,076	1,103
1965—1966	1,134	0,391	0,702	0,858	0,956	1,025	1,072	1,101
1966—1967	1,128	0,399	0,707	0,855	0,949	1,016	1,063	1,092
1967—1968	1,114	0,408	0,707	0,844	0,931	0,998	1,045	1,075
1968—1969	1,110	0,424	0,723	0,851	0,931	0,995	1,040	1,071
1969—1970	1,126	0,457	0,759	0,883	0,955	1,012	1,056	1,087
1970—1971	1,147	0,489	0,791	0,913	0,981	1,035	1,078	1,109
1971—1972	1,143	0,497	0,805	0,922	0,986	1,037	1,077	1,106
1972—1973	1,128	0,497	0,808	0,922	0,980	1,025	1,061	1,089
1973—1974	1,123	0,501	0,814	0,926	0,984	1,025	1,058	1,084

Депопуляция — это, вероятно, еще весьма отдаленное последствие низкой рождаемости. Ряд других последствий ощущаются уже сегодня. Одно из них — демографическое старение населения, т. е. увеличение удельного веса лиц в возрасте 60 лет и старше во всем населении, и связанное с ним постарение рабочей силы, т. е. увеличение доли лиц старших возрастов в составе рабочей силы[1].

Другая группа проблем связана с сокращением притока трудовых ресурсов, которое ожидается в 80-х гг. Уже в настоящее время дефицит трудовых ресурсов довольно заметно ощущается в крупнейших городах, где

[1] Анализу социально-экономических и других последствий старения возрастной структуры населения посвящена уже обширная научная литература. См., в частности: *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968; *Вишневский А. Г.* Экономические последствия старения трудоспособного населения. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 2—3, с. 93—111; Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1971, с. 351—365; *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР, с. 78—80 и др.; *Калинюк И. В.* Возрастная структура населения СССР. М., 1975, с. 90—111 и др.

самая низкая рождаемость. В результате пока не удается замедлить темпы роста населения сверхбольших городов, потому что ежегодно приходится пополнять трудовые ресурсы за счет мигрантов. Например, численность населения Москвы ежегодно увеличивается более чем на 100 тыс. человек, из которых естественный прирост составляет только около 20 тыс. человек[1]. В связи с этим представляется, на наш взгляд, правильным мнение ученых, полагающих, что только повышение рождаемости до уровня, обеспечивающего возобновление трудовых ресурсов, позволило бы остановить чрезмерное разрастание больших городов[2].

Конечно, дефицит рабочей силы вызывается не только демографическими факторами. Он вызывается также и еще недостаточно рациональным использованием наличной рабочей силы и довольно распространенным завышением спроса предприятий на рабочую силу. Исследования показывают, что скрытые резервы рабочей силы на предприятиях в настоящее время составляют до 15—20% всех работников промышленности. Значительны эти резервы и в других отраслях нашего народного хозяйства[3]. Дальнейшее совершенствование управления народным хозяйством позволит высвободить эти резервы для погашения дефицита рабочей силы, а кроме того, и для быстрейшего развития других жизненно важных отраслей (прежде всего сферы обслуживания населения). Однако, поскольку для этого требуется известное время, тенденции естественного прироста трудовых ресурсов в их влиянии на будущий состав рабочей силы по полу, возрасту и отраслям народного хозяйства также приходится принимать во внимание среди последствий сокращения рождаемости.

Распространение малодетности несет с собой и много других проблем социально-экономического, социально-гигиенического и морально-психологического характера, многие из которых сейчас еще трудно предвидеть или

[1] «Вестник статистики», 1974, № 11; 1975, № 11.

[2] См.: *Хорев Б., Зюзин Д., Киселева Г., Ромашкин Б.* Особенности демографической ситуации в Москве. — В кн.: Прикладная демография. М., 1973, с. 66.

[3] См.: Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. Под ред. К. И. Микульского. М., 1974, с. 14.

даже предположить [1]. Но некоторые, думается, очевидны и сегодня. В частности, очевидно, что малодетность не способствует стабильности института брака. Другой важный социально-психологический аспект — постепенное увеличение в обществе доли людей, выросших в малодетных семьях. Эти люди, вероятно, отличаются психологически от тех, которые выросли среди братьев и сестер, поскольку в зависимости от числа детей в семье различаются условия для приобретения детьми навыков общения в коллективе.

Трудности воспитания единственных детей хорошо известны. Единственного ребенка, конечно, легче, чем нескольких детей, обеспечить всем, что только душа пожелает, но тем легче его и избаловать. Отсюда опасность формирования эгоцентрической психики и чрезмерно высокого уровня притязаний, а также задержки инфантильности в характере и подверженности неврозам на почве чрезвычайной любви к самому себе. Как справедливо отмечает Д. И. Валентей, «однодетная система вызывает опасность формирования потребительского отношения к жизни» [2]. Конечно, можно привести немало примеров замечательных людей, выросших из единственных детей, так же как и случаев плохого воспитания в семье многодетной. Многие авторы, в зависимости от их позиций, приводят как отрицательные, так и положительные примеры против или в пользу однодетной семьи. Однако, если иметь в виду статистическое множество семей, нельзя не признать, что семья с единственным ребенком чаще является источником социальной патологии, чем семья многодетная.

Важно отметить, что и двухдетная семья испытывает зачастую те же трудности воспитания, что и семья с одним ребенком, особенно если это двое детей разного пола и (или) с большой разницей в возрасте. По понятиям социологов, двое людей еще не образуют группы (минимальный размер социальной группы — три человека) [1], и поэтому отношения между детьми в двухдетной семье также не способствуют образованию навыков общения в коллективе. Кроме того, при значительной разнице в возрасте [2] дети в двухдетной семье в значительной степени воспитываются как единственные дети (врозь по очереди), так как принадлежат к разным возрастно-психологическим группам.

Таким образом, увеличение в обществе доли лиц, выросших в малодетных семьях, имеет среди своих последствий и определенные проблемы воспитания у молодежи навыков общения в коллективе, которое во все большей степени должно будет переходить от семьи к другим общественным институтам (дошкольным детским учреждениям, школе, общественным организациям и др.).

В свою очередь, есть много логики и в предположении, что статистическое большинство выросших в малодетных семьях не пожелают стать родителями нескольких детей.

Перспективы рождаемости требуют активизации демографической политики. Но что такое «демографическая политика»? В зависимости от того, что мы под ней понимаем, изменяется и степень ее активности. Мероприятия демографической политики нельзя, конечно, отрывать от общей социально-экономической политики. Тем не менее ведь говорим же мы о политике в области образования, заработной платы или о жилищной политике и т. п. В общественной жизни вряд ли можно указать такие явления и процессы, которые так или иначе не оказывали бы никакого влияния на демографические процессы. Так же и социально-экономическая политика государства в любой области управления народным хо-

---

[1] Об этих проблемах см.: *Валентей Д. И.* Политика народонаселения — В кн.: Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 31—33; *Валентей Д. И.* 250 000 000: комментарии, проблемы, прогнозы. — «Наука и жизнь», 1973, № 10, с. 20—31 и др.

[2] *Валентей Д. И.* О демографическом поведении. — «Правда», 1972, 16 авг., с. 3.

---

[1] Крупнейший польский социолог Я. Щепаньский определяет социальную группу как «определенное число лиц (не меньше трех), связанных системой отношений, регулируемых институтами, обладающих определенными общими ценностями и отделенных от других общностей определенным принципом обособления» и отличает группу от пары, т. е. двух лиц, связанных между собой иным видом отношений, не имеющих признаков, характерных для группообразующих связей (см.: *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии, с. 117—118).

[2] По мере сокращения числа детей в семье увеличиваются средние интервалы между рождениями. Так, по данным обследования «СССР-1960» средний интервал между первым и вторым рождениями у женщин, имевших 9 и более рождений, составлял 2,05 года, а у женщин, ограничивающихся двумя рождениями, — 4,16 года (см.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 159).

зяйством неизбежно оказывает влияние на демографические процессы. Однако это влияние может быть как прямым, запланированным, так и косвенным, побочным, иногда и нежелательным. Поэтому представляется необходимым в общей системе социально-экономической политики государства конкретизировать подсистемы мероприятий по их целевой направленности. Хотя такая конкретизация всегда будет в известной мере условной, она необходима для оценки степени активности и эффективности демографической политики.

С этих позиций демографическую политику можно определить как систему государственных мероприятий, непосредственно направленных на формирование желательного для общества демографического поведения[1]. В нашей стране многое делается для охраны здоровья матери и ребенка, постоянно улучшаются материальные условия для рождения и воспитания детей в семье. Однако продолжение тенденций малодетности указывает на необходимость дальнейшей активизации мероприятий, специально направленных на материальную и моральную поддержку семьи с *тремя* и более детьми. Особенно хочется подчеркнуть необходимость усиления помощи молодой семье, поскольку от трудностей ухода за первым ребенком в какой-то степени зависит вероятность рождения второго ребенка и т. д. Между тем именно молодая семья зачастую оказывается в сложных материальных условиях после рождения первого ребенка (или даже в момент своего образования), особенно если ей не приходится рассчитывать на помощь родственников. Поэтому большое значение, среди прочих мер, имело бы предоставление молодым семьям, по их желанию, долгосрочной банковской ссуды (под умеренный процент), достаточной для первоначального взноса в жилищный кооператив и обзаведения основными предметами домашнего обихода.

Определенное значение будут иметь предусмотренные Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы введение для работающих женщин частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком и расширение льгот по пенсионному обеспечению многодетных матерей. Заслуживают внимания и предложения демографов о введении весомых семейных надбавок на детей, начиная с первого, о расширении льгот для семей с тремя и более детьми (например, при получении квартир и др.), хотя тут, как уже говорилось ранее, имеется еще много теоретически нерешенных вопросов. Но при этом еще раз важно отметить, что любые экономические мероприятия будут эффективны только в условиях благоприятного морального климата вокруг семьи с несколькими детьми. В этом отношении большая роль принадлежит массовым средствам информации и искусству, которые должны ненавязчиво, но ярко пропагандировать идеал семьи с несколькими детьми.

По нашему мнению, никакие усилия по поощрению среднедетности не окажутся чрезмерными. Опасения некоторых экономистов, как бы активная демографическая политика не вызвала слишком большой рост рождаемости, совершенно напрасны, они отражают непонимание необратимости исторических перемен в функциях и потребностях семьи. В противовес этим опасениям можно сослаться на мнение крупнейшего польского демографа Э. Россета, который пишет: «О многодетной семье сейчас следует говорить в прошедшем времени. Этот тип изжил себя. Сегодня идет борьба не за четвертого и пятого, а за второго и третьего ребенка. Чтобы выиграть эту борьбу, необходимо пустить в ход стимулы — и материальные, и моральные»[1].

Тенденции малодетности проявляются сейчас во всех промышленно развитых странах и в дальнейшем будут охватывать все больше стран по мере их экономического и культурного развития. Мы думаем, что малодетность — всемирная проблема будущего, такая же, какой сегодня уже стала проблема экологии. Конечно, сегодня многим подобное предсказание может показаться странным, когда все так много начитаны о проблемах «демографического взрыва». Однако, не отрицая серьезности той нагрузки, которой является быстрый рост населения для экономики развивающихся стран, мы думаем, что уже сегодня есть признаки необходимости быть настолько дальновидными, чтобы не позволить маятнику

[1] См.: *Пискунов В. П., Стешенко В. С.* О демографической политике социалистического общества. — В кн.: Демографическая политика, с. 15.

[1] *Россет Э.* Принципы и проблемы перспективной политики народонаселения. — В кн.: Демографическая политика, с. 62.

высокой рождаемости качнуться настолько же в противоположную сторону.

Среди многих западных ученых сейчас стало модным все беды капитализма взваливать на рост населения. Однако хочется посоветовать читателю в таких случаях обращать внимание на профессию пишущих по вопросам народонаселения, потому что ученые, раздувающие страх перенаселения в западных странах, как правило, не демографы, а биологи, физики, медики, социологи и т. п., иногда крупные авторитеты в своих областях знания, но не компетентные в вопросах демографии. Демографы обычно значительно осторожнее оценивают тенденции показателей рождаемости в странах Запада, которые недавно снова пошли на снижение.

Особенно впечатляет резкое снижение уровня рождаемости в США. Если еще десятилетие назад США выделялись среди других экономически развитых капиталистических стран своим относительно высоким уровнем рождаемости, то теперь это своеобразие отходит к прошлому. Отчасти снижение показателей рождаемости — результат экономического кризиса, но, думается, только отчасти. С 1967 г. общий коэффициент рождаемости в США находится на уровне, до которого он не опускался даже в годы кризиса 1930-х гг. (самый низкий уровень в то время отмечался в 1933 г. — 18,4‰). Исследования показывают, что сокращение уровня рождаемости в США происходит за счет глубоких изменений в репродуктивном поведении широких масс населения. Если по данным опроса GAF 1960 замужние женщины в возрасте 18—24 года ожидали иметь в среднем по 3,1 ребенка (и данные опроса, проведенного в 1972 г., дают основания американским статистикам считать, что фактическое число детей у этих женщин будет на 0,2 ребенка меньше, т. е. 2,9), то женщины того же возраста, опрошенные в 1972 г., ожидают иметь уже значительно меньше — в среднем только по 2,3 ребенка [1].

Пожалуй, большинство американских социологов и политиков еще не осознает этих новых тенденций в динамике рождаемости, продолжая спекулировать на мнимой угрозе «демографического взрыва» в США. Еще бурлит деятельность организации «борьбы за нулевой прирост», различных обществ «неродителей» и т. п., вносятся предложения штрафовать за рождение третьих и более детей и другие, еще более радикальные. Однако начинают появляться и другие заголовки. Один из номеров журнала «Тайм» в 1974 г. вышел под красноречивым заголовком «Эти исчезающие дети» [1]. А ведь еще в 1968 г. один из крупнейших американских демографов, тогдашний президент Американской ассоциации по народонаселению проф. Э. Коул в выступлении на ежегодной ассамблее ассоциации высказал предположение о возможности того, что «к тому времени, когда практическая программа законодательных мер по ограничению рождаемости в США будет подготовлена, нам придется изыскивать способы поощрения рождаемости, чтобы избежать убыли населения» [2].

Определенное беспокойство по поводу снижения рождаемости высказывают и виднейшие западноевропейские демографы. Так, на проходившем в 1969 г. в Лондоне симпозиуме Института биологии вопреки мнению большинства присутствовавших социологов и биологов, настаивавших на утверждении, будто Великобритании угрожает перенаселение, видный английский демограф Д. Эверсли высказал мнение, что в ближайшие годы уровень рождаемости в стране опустится ниже необходимого для простой замены поколений [3]. Этот прогноз уже оправдался. В 1974 г. Великобритания вплотную приблизилась к порогу депопуляции (коэффициент естественного прироста составил всего 1,4‰).

Выступая в еженедельнике «Монд дипломатик», один из крупнейших французских демографов Жан Буржуа-Пиша заявил: «Мы являемся свидетелями настоящей революции в отношении людей к вопросу продления рода. Показатели нетто-воспроизводства населения немногим выше 0,5 завтра могут стать привычными» [4]. Он заключил свою статью предположением, что Западная Ев-

---

[1] «Birth Expectations and Fertility: June 1972 (Advance Data from the June 1972 Current Population Survey)», Series P-20, № 240, Washington, 1972, p. 4.

---

[1] «За рубежом», 1974, 27 сент. — 3 окт., № 40 (745).

[2] *Coale A.* Should the United States Start a Campaign for Fewer Births? — «Population Index», 1968, v. 34, № 4, p. 474.

[3] How Many Britons Is Best? — «Nature», 1969, v. 224, № 5214, p. 9.

[4] *Bourgeois-Pichat J.* En France un mouvement de lent declin. — «Monde diplomatique», 1973, nov., a. 20, № 236, p. 18.

ропа, США и Канада находятся на пути к демографическому упадку, продолжительность которого трудно предвидеть. Озабоченность по поводу перспектив рождаемости во Франции высказывает и другой крупнейший французский социолог и демограф Альфред Сови[1].

Безусловно, при социализме имеются несравненно большие возможности для сочетания репродуктивных интересов общества и семьи, чем при капитализме. Но эти возможности не реализуются сами собой. Нам хотелось показать в этой книге, что перспективы низкой рождаемости заслуживают серьезного внимания.

---

[1] *Sauvy A.* La population 'francaise: situation et perspectives. — «Revue de defense nationale», P., 1972, a. 28, avr., p. 555—565.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Возрастные коэффициенты рождаемости в СССР

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	всего 15—49 лет[1]	в том числе							
		до 20[2]	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1926—1927[3]	159,1	36,1	259,4	269,0	224,5	171,6	90,8	23,0	5,372
1938—1939	139,5	32,8	214,4	230,6	183,5	131,7	68,1	19,0	4,401
1954—1955	86,2	15,6	146,9	172,9	127,6	74,4	35,4	7,1	2,900
1957—1958	86,9	23,9	160,1	166,7	116,4	66,8	24,7	5,7	2,822
1958—1959	88,7	29,2	162,2	164,8	110,1	66,6	24,1	5,0	2,810
1959—1960	91,5	34,4	165,3	161,3	114,2	63,7	24,2	4,5	2,838
1960—1961	90,6	35,2	164,8	160,7	110,0	60,7	23,5	4,8	2,799
1961—1962	87,2	29,6	162,8	155,8	105,2	56,4	22,7	3,8	2,682
1962—1963	83,2	24,1	162,1	151,4	101,3	54,2	22,3	3,7	2,596
1963—1964	78,4	22,7	162,6	145,6	97,6	52,0	21,4	3,9	2,529
1964—1965	73,5	23,7	157,6	138,9	95,5	50,9	20,3	4,2	2,456
1965—1966	70,8	25,5	159,6	136,0	97,0	50,6	19,1	4,4	2,461
1966—1967	68,5	26,9	158,6	132,7	97,0	49,2	17,7	4,0	2,431
1967—1968	66,3	27,7	158,0	129,7	94,7	47,9	16,9	3,8	2,394
1968—1969	65,3	28,9	157,0	128,8	92,0	47,4	16,2	3,4	2,369
1969—1970	65,7	30,4	163,9	128,7	88,1	48,5	15,3	2,9	2,389
1970—1971	66,9	32,0	170,2	132,1	87,1	49,6	14,9	2,4	2,442
1971—1972	67,2	32,4	173,9	137,1	84,3	49,4	14,6	2,0	2,469
1972—1973	66,4	32,4	172,3	135.9	81,8	48,0	14,3	1,9	2,433
1973—1974	66,8	33,3	173,4	134,8	79,3	45,5	14,4	1,7	2,412

---

[1] Здесь и далее в табл. 2 — включая родившихся у матерей более старшего возраста.

[2] При определении показателей для этой возрастной группы условно взято число женщин в возрасте 15—19 лет.

[3] Показатели относятся к европейской части СССР.

Таблица 2

Возрастные коэффициенты рождаемости в союзных республиках

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	всего 15—49 лет	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
РСФСР									
1958—1959	82,9	28,4	157,9	156,4	101,9	57,7	19,9	3,0	2,626
1967—1968	53,6	26,0	143,1	110,9	74,0	33,5	10,7	1,2	1,997
1969—1970	53,4	28,3	146,9	107,4	69,3	32,2	9,0	1,1	1,971
1971—1972	55,2	30,9	156,1	116,3	65,6	33,0	7,9	0,7	2,053
1972—1973	54,9	31,5	154,7	114,4	63,3	32,5	7,5	0,6	2,023
1973—1974	55,3	32,8	155,5	112,8	60,0	30,9	7,3	0,6	2,000
Украинская ССР									
1958—1959	70,7	28,1	150,9	137,4	85,1	44,6	11,5	1,6	2,296
1967—1968	55,3	29,9	151,4	108,5	75,0	29,5	8,3	0,8	2,017
1969—1970	55,3	33,1	160,1	110,1	68,3	29,2	7,2	0,7	2,044
1971—1972	57,1	36,1	169,6	114,8	65,3	31,6	6,6	0,5	2,123
1972—1973	56,2	36,5	163,9	115,2	63,2	31,1	6,3	0,4	2,083
1973—1974	55,7	37,4	160,6	113,9	61,1	29,1	6,2	0,4	2,044
Белорусская ССР									
1958—1959	91,0	16,2	146,8	177,6	120,5	71,1	22,6	4,2	2,795
1967—1968	62,0	16,5	149,2	123,8	92,9	46,4	14,3	2,1	2,226
1969—1970	61,3	19,6	161,6	134,5	87,1	43,2	12,3	1,3	2,298
1971—1972	61,1	23,5	172,3	137,7	82,1	40,4	10,6	0,8	2,337
1972—1973	59,7	23,6	170,6	135,3	77,5	39,3	9,7	0,8	2,284
1973—1974	58,9	24,5	168,5	132,4	74,3	37,1	9,1	0,7	2,333
Узбекская ССР									
1958—1959	158,8	38,3	209,9	240,7	206,0	178,6	96,8	38,4	5,044
1967—1968	161,9	31,8	250,5	290,0	250,4	186,0	91,3	35,5	5,678
1969—1970	158,5	41,7	261,3	265,2	245,6	194,9	91,5	27,0	5,636
1971—1972	163,0	45,4	275,0	284,6	247,7	198,5	93,7	23,3	5,841
1972—1973	156,0	39,9	280,0	287,6	234,1	187,0	87,6	17,6	5,669
1973—1974	156,8	39,9	290,0	295,4	230,3	183,2	86,4	15,9	5,706
Казахская ССР									
1958—1959	143,0	48,4	233,8	235,9	175,7	127,2	54,8	16,6	4,462
1967—1968	98,1	29,3	190,9	173,9	133,2	82,9	40,3	11,3	3,309
1969—1970	96,1	30,0	192,2	177,8	134,9	83,4	34,1	9,0	3,307
1971—1972	95,7	29,8	200,3	187,2	130,4	88,5	30,5	6,5	3,366
1972—1973	93,6	28,7	199,9	187,2	126,5	86,6	29,1	5,8	3,319
1973—1974	94,1	29,6	203,0	188,1	123,6	84,0	29,3	4,9	3,313

Продолжение

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	всего 15—49 лет	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Грузинская ССР									
1958—1959	85,0	22,2	124,3	172,0	112,2	58,7	21,5	6,4	2,587
1967—1968	72,9	31,3	167,9	145,7	98,5	46,0	14,4	3,2	2,535
1969—1970	73,3	34,3	182,9	147,2	97,5	46,3	12,6	2,4	2,616
1971—1972	70,8	33,7	183,5	155,7	90,7	44,4	12,0	2,2	2,611
1972—1973	69,0	32,3	184,8	157,2	83,9	42,9	11,1	2,1	2,572
1973—1974	69,4	33,4	192,0	157,6	78,4	41,5	10,8	1,7	2,577
Азербайджанская ССР									
1958—1959	163,3	43,0	209,6	266,5	216,1	162,7	73,5	29,6	5,005
1967—1968	148,9	47,1	226,2	255,1	236,7	143,0	57,9	19,8	4,929
1969—1970	134,6	40,8	228,4	233,1	210,0	146,9	53,3	14,1	4,633
1971—1972	119,1	29,1	226,1	228,7	188,0	133,4	46,8	8,1	4,301
1972—1973	111,4	24,0	218,0	231,3	173,7	128,3	43,9	7,1	4,132
1973—1974	108,0	22,4	219,2	230,5	165,9	119,8	42,8	6,3	4,035
Литовская ССР									
1958—1959	82,8	14,4	125,9	156,6	119,2	77,0	27,8	4,5	2,627
1967—1968	66,9	19,0	136,3	134,2	90,1	49,6	17,0	2,1	2,242
1969—1970	67,2	22,4	154,4	142,5	87,4	47,8	14,9	1,3	2,354
1971—1972	66,1	23,2	165,2	137,9	87,4	45,5	14,7	1,3	2,376
1972—1973	63,1	22,3	160,1	134,1	83,0	43,5	13,7	1,0	2,289
1973—1974	60,9	22,4	156,5	132,9	78,6	41,7	12,4	0,9	2,227
Молдавская ССР									
1958—1959	111,7	34,0	182,2	195,3	143,6	104,3	46,1	9,1	3,573
1967—1968	76,3	29,0	163,4	143,5	113,3	67,1	24,8	4,0	2,726
1969—1970	71,6	28,1	163,9	135,4	99,7	61,9	21,0	2,6	2,563
1971—1972	75,4	29,9	181,4	136,6	98,7	59,0	18,6	1,7	2,630
1972—1973	75,6	30,6	180,9	140,9	94,7	58,1	18,4	1,5	2,626
1973—1974	75,1	32,4	177,9	145,0	91,1	52,6	17,1	1,3	2,587
Латвийская ССР									
1958—1959	59,2	16,8	114,8	120,7	78,2	43,0	12,7	1,3	1,938
1967—1968	52,6	25,2	121,3	111,1	67,4	30,3	7,6	0,5	1,817
1969—1970	53,5	27,0	139,3	114,9	66,7	29,4	7,3	0,5	1,926
1971—1972	54,8	26,6	147,5	118,5	69,6	32,0	7,2	0,5	2,010
1972—1973	53,8	26,7	147,7	116,5	67,5	31,3	7,0	0,4	1,986
1973—1974	53,4	27,2	148,2	115,2	65,8	30,5	7,1	0,4	1,972

Продолжение

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет	в том числе							Суммарный коэффициент рождаемости
	всего 15—49 лет	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Киргизская ССР									
1958—1959	140,1	40,3	204,3	222,0	174,8	132,0	64,6	25,9	4,320
1967—1968	132,1	33,5	218,6	230,1	204,9	153,2	68,6	24,3	4,666
1969—1970	134,7	40,9	260,6	224,6	198,8	154,5	69,6	20,2	4,846
1971—1972	136,1	40,5	268,5	248,8	196,8	153,4	70,6	15,0	4,968
1972—1973	132,9	38,8	264,9	249,3	191,2	149,8	69,9	13,9	4,889
1973—1974	131,6	40,7	261,3	235,9	196,6	141,6	72,0	13,3	4,807
Таджикская ССР									
1958—1959	123,5	26,1	137,8	176,5	169,7	154,4	87,4	33,2	3,926
1967—1968	170,5	35,0	259,6	275,8	251,0	203,1	107,7	41,0	5,866
1969—1970	166,4	40,1	261,2	267,7	251,1	215,8	108,5	36,2	5,901
1971—1972	171,9	44,4	288,0	274,7	259,1	222,2	112,3	29,9	6,153
1972—1973	168,0	41,1	292,0	280,4	250,8	214,5	109,2	26,2	6,071
1973—1974	170,6	40,9	307,6	293,5	253,0	206,1	113,3	24,7	6,196
Армянская ССР									
1958—1959	159,2	37,6	200,6	264,1	204,4	154,9	68,0	16,4	4,730
1967—1968	104,9	44,2	222,6	194,6	137,9	73,7	29,4	6,8	3,546
1969—1970	92,9	41,2	213,3	164,2	123,8	67,6	23,8	5,1	3,195
1971—1972	90,0	38,8	215,1	181,8	108,0	65,2	21,6	3,4	3,170
1972—1973	87,3	37,3	214,3	180,4	97,1	61,5	20,3	3,1	3,070
1973—1974	84,7	39,1	213,2	170,4	86,7	53,5	17,0	2,6	2,913
Туркменская ССР									
1958—1959	161,6	39,5	216,2	251,2	217,2	173,4	93,1	34,0	5,123
1967—1968	168,5	31,4	283,8	300,0	248,7	197,3	103,6	34,2	5,995
1969—1970	165,6	33,5	271,1	276,2	250,5	213,0	110,2	31,4	5,930
1971—1972	161,8	29,2	268,5	296,2	246,8	207,3	106,6	26,2	5,903
1972—1973	159,3	27,2	273,3	301,1	238,1	203,1	105,8	24,7	5,867
1973—1974	158,6	26,9	274,0	307,7	234,9	199,0	105,3	23,0	5,854
Эстонская ССР									
1958—1959	59,9	20,1	122,3	119,1	72,9	41,9	12,0	0,9	1,946
1967—1968	55,6	25,2	136,7	125,5	71,8	28,2	7,9	0,8	1,980
1969—1970	59,3	30,1	157,1	130,6	73,0	29,9	7,4	0,5	2,143
1971—1972	59,8	31,5	165,9	130,7	70,3	31,9	6,7	0,5	2,188
1972—1973	58,5	31,3	165,1	126,1	67,9	31,6	6,6	0,4	2,145
1973—1974	57,9	31,9	165,7	123,4	64,3	29,8	6,6	0,4	2,111

Таблица 3

Возрастные коэффициенты рождаемости в отдельных социалистических и капиталистических странах

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет	в том числе							Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Болгария									
1960	69,8	75,0	187,2	120,1	51,3	19,7	7,2	1,0	2,308
1965	60,1	68,2	174,1	105,6	45,6	16,7	4,4	0,9	2,078
1966	58,4	65,5	173,7	102,1	41,7	15,3	3,8	0,8	2,015
1967	58,2	68,0	176,9	101,3	40,3	14,6	3,8	0,6	2,028
1968	65,0	75,3	197,3	118,3	45,1	15,5	3,9	0,5	2,280
1969	64,8	74,2	194,3	120,3	47,1	15,8	3,3	0,5	2,278
1970	62,6	71,5	189,2	111,6	45,0	14,8	3,1	0,4	2,178
1971	61,3	69,7	186,4	106,1	42,3	13,5	3,1	0,4	2,108
1972	59,5	69,3	181,1	101,8	39,3	12,4	3,0	0,3	2,036
1973	63,4	72,9	194,0	108,6	39,7	12,9	3,0	0,3	2,157
Венгрия									
1960	58,9	52,5	159,2	105,6	52,9	25,0	8,0	0,5	2,019
1965	53,2	41,9	147,9	100,6	47,8	18,2	4,7	0,4	1,808
1966	54,5	45,8	152,7	104,8	48,5	18,8	4,7	0,4	1,879
1967	57,7	50,4	160,9	112,5	53,0	19,7	4,6	0,4	2,008
1968	58,7	52,2	164,5	116,3	54,4	19,7	4,5	0,3	2,060
1969	58,1	53,7	162,3	114,3	53,7	19,5	4,5	0,3	2,042
1970	56,6	50,0	159,3	110,3	51,4	18,4	4,3	0,3	1,962
1971	55,9	50,3	157,7	103,8	49,8	17,9	4,1	0,2	1,919
1972	56,9	53,5	157,4	105,2	47,8	17,4	4,1	0,3	1,929
1973	58,2	57,5	157,0	105,1	48,1	17,9	3,9	0,2	1,949

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
				ГДР					
1960	70,8	75,8	167,7	124,9	67,6	31,0	7,4	0,3	2,374
1965	75,4	71,4	190,2	124,3	68,7	29,8	6,6	0,3	2,457
1966	71,1	66,0	190,6	122,7	66,0	28,2	5,0	0,3	2,394
1967	66,1	68,2	181,7	118,0	61,3	25,4	4,5	0,2	2,297
1968	63,0	67,7	183,9	111,7	58,3	24,8	3,8	0,2	2,252
1969	60,6	72,8	179,7	107,7	54,7	22,7	3,3	0,1	2,205
1970	60,0	77,6	171,8	106,2	53,1	22,1	3,2	0,1	2,171
1971	59,5	98,8	152,2	101,5	46,2	18,8	2,9	0,1	2,103
1973	...	51,5	141,0	73,9	31,3	12,4	2,6	0,1	1,564
				Польша					
1960	93	45	199	165	103	60	22	2	2,980
1965	72	32	183,7	143,7	88,6	43,4	14,8	1,6	2,395
1966	68	32	177,2	139,9	80,5	41,8	13,4	1,4	2,287
1967	65	31	170,5	134,4	77,3	39,9	12,5	1,4	2,196
1968	64	30	163,8	128,3	74,0	38,9	12,3	1,3	2,108
1969	63	30	164	125	71	37	12	1	2,200
1970	64	30	165	126	71	36	11	1	2,200
1971	65	29	171	130	72	36	11	1	2,250
1972	65,8	27,0	168,4	133,9	71,3	35,2	11,0	0,8	2,238
1973	68	28	169	136	71	35	11	1	2,255
1974	69	30	170	136	71	34	10	1	2,260
				Румыния					
1960	73,9	59,1	164,1	121,2	67,6	39,0	14,5	1,4	2,335
1965	57,3	52,4	140,7	99,8	53,5	25,1	8,9	0,8	1,906
1966	55,7	51,7	143,0	98,2	53,4	25,1	8,3	0,9	1,903
1967	105,5	79,8	251,8	198,1	124,1	59,7	16,6	1,2	3,657

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1968	102,9	82,4	241,4	193,9	126,5	63,9	17,3	1,2	3,633
1969	89,6	72,6	215,7	171,7	108,0	54,7	15,0	1,0	3,194
1970	81,2	65,7	201,4	151,6	94,9	48,8	13,8	0,9	2,886
1971	75,3	62,1	190,9	138,1	82,7	44,3	13,1	0,8	2,660
1972	72,7	61,3	185,9	131,6	76,9	40,7	12,0	0,8	2,546
1973	70,4	60,6	182,4	124,2	71,6	37,6	10,3	0,6	2,437
1974	79,3	69,3	202,3	142,9	78,3	40,2	10,7	0,7	2,722
				Чехословакия					
1960	68,2	46,9	198,7	131,7	63,8	29,1	8,8	0,6	2,398
1965	69,6	45,1	193,4	134,8	65,8	27,2	6,9	0,5	2,369
1966	65,6	44,9	184,8	124,8	59,0	24,4	5,8	0,5	2,221
1967	62,2	44,8	177,2	114,7	53,5	21,6	5,2	0,4	2,087
1968	60,3	42,9	173,5	109,7	50,3	20,0	4,8	0,3	2,008
1969	61,9	45,3	176,7	111,6	50,7	19,7	4,6	0,3	2,045
1970	63,5	45,5	180,5	113,9	51,5	18,6	4,5	0,3	2,074
1971	65,8	47,0	184,0	119,0	54,0	19,0	4,3	0,2	2,138
1972	69,4	49,0	194,0	124,0	54,0	18,0	4,2	0,2	2,217
1973	75,8	48,2	211,2	133,9	57,1	19,1	4,5	0,1	2,371
				Югославия					
1960	91,9	51,8	178,4	155,8	94,2	51,8	26,4	4,4	2,814
1965	82,6	48,3	188,6	152,1	85,8	42,7	14,9	4,9	2,687
1966	79,2	54,4	183,5	147,6	82,5	41,2	13,5	3,9	2,633
1967	75,2	54,5	177,0	141,9	79,8	40,2	12,7	3,1	2,546
1968	72,0	55,1	173,2	135,9	76,7	37,9	12,2	2,5	2,468
1969	70,5	54,9	170,4	133,7	75,7	37,0	11,5	2,0	2,426
1970	66,4	51,4	161,3	124,6	71,9	34,0	10,8	1,5	2,278
1971	68,5	53,5	170,3	129,6	73,2	33,5	10,9	1,3	2,362
1972	68,7	55,8	167,4	130,1	71,8	33,1	10,3	1,1	2,348
1973	67,9	54,4	163,3	128,9	69,4	32,2	9,9	0,9	2,295
				Австрия					
1961	92,5	52,1	167,8	162,3	102,9	54,1	19,4	0,9	2,798
1965	88,2	56,6	158,6	154,5	100,0	50,3	15,5	1,3	2,684
1966	88,0	63,9	160,1	146,6	97,0	48,8	14,6	1,2	2,655
1967	88,0	64,3	164,6	141,0	94,3	47,0	13,5	1,1	2,629

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1968	87,9	65,2	169,0	132,9	91,2	45,8	12,7	1,1	2,590
1969	85,2	64,7	167,3	123,3	86,2	44,7	11,9	1,0	2,496
1970	79,2	61,2	158,7	111,4	77,9	40,7	11,4	1,0	2,312
1971	76,4	58,9	156,6	105,6	71,9	39,8	11,7	1,0	2,228
1972	73,0	58,2	151,0	104,0	64,4	36,8	11,1	1,0	2,133
1973	66,7	54,2	132,8	97,8	58,3	33,2	9,8	0,9	1,935
1974	65,8	52,6	133,9	100,1	54,5	31,4	9,6	0,9	1,915

Англия и Уэльс

Год	Всего	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	Суммарный коэффициент
1960	73,3	34,2	165,5	171,8	100,5	46,2	13,8	0,8	2,664
1965	78,9	44,8	176,2	178,1	101,5	48,4	12,5	0,9	2,812
1966	77,5	47,5	174,3	172,2	96,4	45,5	11,7	0,9	2,743
1967	75,7	48,6	165,4	164,9	92,0	43,4	11,3	0,8	2,631
1968	74,1	48,8	160,9	160,4	87,9	40,2	10,5	0,7	2,547
1969	...	49,4	154,6	155,5	83,4	37,1	9,5	0,6	2,451
1970	...	49,7	153,4	151,2	78,7	34,2	8,7	0,6	2,383
1971	...	51,0	154,4	154,5	77,7	32,8	8,1	0,5	2,395
1972	...	48,1	141,8	142,8	70,0	28,9	7,2	0,5	2,196
1973	...	43,9	131,0	135,5	63,6	24,6	6,1	0,4	2,026

Бельгия

Год	Всего	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	Суммарный коэффициент
1960	74,4	25,4	150,5	161,6	99,9	50,1	17,3	1,1	2,530
1965	73,3	30,3	164,9	165,1	96,9	47,7	13,6	1,0	2,598
1966	70,3	31,6	160,9	158,4	91,9	44,5	12,6	1,1	2,505
1967	66,9	31,2	156,4	151,4	85,6	41,7	11,2	1,0	2,393
1968	64,0	30,0	150,6	146,2	82,5	38,4	10,8	0,8	2,297
1969	63,3	30,7	150,7	145,9	80,2	36,8	10,3	0,8	2,277
1970	63,1	31,3	151,2	144,9	77,5	35,9	10,0	0,7	2,258
1971	62,6	32,7	149,0	142,0	74,6	34,0	9,4	0,6	2,212
1972	59,0	29,2	141,7	136,0	69,0	30,4	8,3	0,6	2,076

Дания

Год	Всего	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	Суммарный коэффициент
1960	...	41,8	170,7	157,6	87,7	38,7	11,5	0,7	2,543
1965	...	47,1	176,3	163,0	87,2	38,5	9,2	0,7	2,610
1966	...	49,6	179,2	161,3	87,6	36,5	8,2	0,6	2,615
1967	...	47,6	161,9	145,0	76,1	31,8	7,0	0,5	2,350
1968	...	44,1	142,6	133,0	68,9	28,2	6,3	0,3	2,117
1969	...	38,8	133,3	128,2	67,4	26,5	5,4	0,4	2,000

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1970	...	32,4	130,4	130,8	66,0	24,7	5,4	0,3	1,950
1971	...	29,0	138,9	142,8	69,1	24,2	4,4	0,3	2,043
1972	...	28,1	139,2	141,7	68,6	23,8	4,2	0,2	2,029
1973	...	26,0	131,2	136,7	64,5	20,9	3,9	0,2	1,917

Норвегия

Год	Всего	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	Суммарный коэффициент
1960	88,9	26,5	163,1	172,6	117,5	63,2	24,0	2,2	2,846
1965	92,4	41,0	179,9	177,1	111,6	57,7	17,7	1,4	2,932
1966	93,6	43,0	178,8	176,7	107,2	54,8	17,0	1,1	2,893
1967	92,9	42,3	178,3	167,9	102,9	52,1	15,2	1,2	2,800
1968	93,4	43,9	177,0	167,4	98,6	48,1	14,1	1,1	2,751
1969	93,3	44,7	175,5	162,5	95,7	47,0	13,5	1,1	2,700
1970	88,3	44,6	166,7	151,0	88,5	40,5	10,4	1,0	2,514
1971	89,0	45,7	168,7	151,4	84,0	39,4	9,9	1,0	2,501
1972	86,4	47,1	160,7	148,7	78,4	34,5	8,7	0,9	2,395
1973	81,3	44,3	150,0	139,6	74,8	31,2	7,2	0,9	2,240

ФРГ

Год	Всего	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	Суммарный коэффициент
1960	70,1	23,3	129,4	160,8	101,5	51,0	18,0	1,1	2,426
1965	78,4	32,9	144,6	168,2	107,9	49,1	14,4	1,4	2,593
1966	77,8	33,9	152,3	166,2	108,3	48,3	13,8	1,4	2,621
1967	75,1	35,8	157,4	156,5	104,6	46,7	13,1	1,2	2,577
1968	70,7	35,6	146,3	140,8	95,7	43,9	12,5	1,0	2,379
1969	62,9	36,1	135,3	125,9	88,5	43,1	11,7	0,8	2,207
1970	56,5	35,6	125,9	107,8	77,2	39,5	10,9	0,8	1,989
1971	54,4	35,8	120,9	107,7	70,7	36,9	10,5	0,7	1,916
1972	48,6	31,3	105,2	101,7	61,3	30,8	9,2	0,7	1,701
1973	43,7	26,7	93,8	95,4	54,5	26,7	8,2	0,6	1,530

Финляндия

Год	Всего	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	Суммарный коэффициент
1960	...	28,4	162,9	158,7	103,9	61,3	25,0	2,4	2,713
1965	...	34,2	144,3	148,8	92,2	52,2	19,3	2,3	2,467
1966	...	35,8	144,5	143,2	90,6	47,7	17,1	1,8	2,404
1967	...	36,2	138,5	138,9	83,4	45,6	16,2	1,7	2,303
1968	...	35,7	135,3	125,8	76,6	38,7	14,1	1,5	2,139
1969	...	33,5	122,6	113,8	68,5	34,9	11,7	1,2	1,931
1970	...	32,2	119,4	108,6	64,6	30,5	9,3	0,8	1,827
1971	...	29,7	111,3	107,5	58,1	25,2	7,1	0,6	1,698
1972	...	28,6	104,3	103,9	53,2	21,9	6,1	0,5	1,593

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
				Франция					
1960	81,5	22,9	164	176	107	54,4	20,9	1,3	2,733
1965	78,5	27,8	178	180	108	53,0	16,4	1,9	2,823
1966	76,6	27,2	173	176	107	52,2	16,3	1,7	2,767
1967	73,0	26,2	164	168	102	50,0	15,2	1,4	2,634
1968	71,2	26,3	159	163	98,8	48,2	14,8	1,3	2,557
1969	70,5	26,5	157	160	97,4	46,8	14,3	1,2	2,516
1970	70,7	26,9	158	157	92,7	44,8	13,6	1,1	2,471
1971	72,4	28,2	159	159	91,7	44,7	13,5	1,1	2,486
				Швеция					
1960	49,6	33,8	128,7	136,7	82,6	38,9	12,2	0,8	2,169
1965	79,2	48,6	140,9	154,0	89,3	39,3	9,9	0,7	2,414
1966	79,5	50,2	139,1	149,9	86,6	37,8	9,1	0,7	2,367
1967	78,1	47,9	135,5	146,0	82,0	35,4	8,6	0,6	2,280
1968	72,7	41,3	124,8	135,5	76,2	31,9	7,2	0,3	2,086
1969	68,8	34,9	117,3	129,0	71,7	28,2	6,9	0,4	1,942
1970	69,8	33,9	120,3	129,4	70,0	27,4	6,1	0,4	1,938
1971	72,1	34,5	125,8	132,8	69,9	26,4	5,7	0,3	1,977
1972	70,6	33,5	124,1	130,3	67,5	24,4	5,2	0,2	1,927
1973	68,9	31,1	121,6	128,5	66,6	23,4	4,4	0,3	1,880
1974	68,8	32,0	122,6	128,4	67,0	22,9	4,4	0,2	1,888
				Канада					
1960	...	59,8	233,5	224,4	146,2	84,2	28,5	2,4	3,895
1965	...	49,5	192,4	185,3	121,0	66,2	21,8	2,0	3,191
1966	...	48,2	169,1	163,5	103,3	57,5	19,1	1,7	2,812
1967	...	45,2	161,1	151,4	91,4	50,6	15,9	1,5	2,586
1968	...	43,4	152,5	147,1	85,8	44,4	13,8	1,4	2,441
1969	...	42,7	146,5	148,6	84,2	42,1	12,3	1,1	2,388
1970	...	43,4	142,1	145,6	80,7	38,5	11,0	0,9	2,311
1971	...	40,1	134,6	142,3	77,4	33,6	9,4	0,6	2,190
1972	...	38,5	119,8	137,1	72,1	28,9	7,8	0,6	2,024
				США					
1960	118,0	89,1	258,1	197,4	112,7	56,2	15,5	0,9	3,654
1965	96,6	70,4	196,8	162,5	95,0	46,4	12,8	0,8	2,928
1966	91,3	70,6	185,9	149,4	85,9	42,2	11,7	0,7	2,737

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1967	87,6	67,9	174,0	142,6	79,3	38,5	10,6	0,7	2,573
1968	85,7	66,1	167,4	140,3	74,9	35,6	9,6	0,6	2,478
1969	86,5	66,1	166,0	143,0	74,1	33,4	8,8	0,5	2,460
1970	87,9	68,3	167,8	145,1	73,3	31,7	8,1	0,5	2,474
1971	82,3	...	...	...	...	...	...	...	...

* Для Австрии, Норвегии, США и Швеции коэффициент относится к численности женщин в возрасте 15—44 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Александрович Борисов

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

Редактор *Л. Л. Щербакова*

Мл. редактор *И. Ю. Кателевская*

Корректоры *Я. Б. Островский, З. С. Кандыба*

Техн. редактор *Г. А. Полякова*

Худ. редактр *Т. В. Стихно*

Переплет художника *И. И. Карпикова*

Сдано в набор 4/VI 1976 г. Подписано к печати 27/X 1976 г.
Формат бумаги 84×108/32 Бумага № 3 Объем 7,75 печ. л.
Уч.-изд. л. 14,16 Усл. п. л. 13,02 Тираж 11000 экз.
А 15012 (Тематич. план 1976 г. № 28)
Заказ № 1712 Цена 99 коп.

Издательство **«Статистика»**, Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома, г. Великие Луки. ул. Полиграфистов, 78/12